

Царь Алексѣй Михайловичъ какъ устроитель церков- ныхъ дѣлъ послѣ удаленія Никона.

Царь Алексѣй Михайловичъ какъ убѣжденный грекофилъ и инициаторъ грекофильской реформаторской дѣятельности Никона. Онъ предоставилъ Никону полную свободу дѣйствій въ проведеніи церковной реформы, активно, во время патриаршества Никона, не вмѣшиваясь въ это дѣло. По удаленіи Никона Алексѣй Михайловичъ дѣлается фактическимъ управителемъ русской церкви. Мѣры предпріятыя Алексѣемъ Михайловичемъ для умиротворенія русской церкви и признанія ею реформы Никона. Соборъ русскихъ іерарховъ 1666 года, открытый 29 апрѣля, какъ совершенно отличный отъ собора того же 1666 года, открытаго 29 ноября въ присутствіи восточныхъ патриарховъ. Дѣятельность собора русскихъ іерарховъ 1666 года и его особое отношеніе къ старообрядчеству.

Царь Алексѣй Михайловичъ, воспитавшійся въ грекофильскихъ воззрѣніяхъ, былъ искреннимъ, убѣжденнымъ грекофиломъ. Вмѣстѣ съ своимъ уважаемымъ духовникомъ, — благовѣщенскимъ протопопомъ Стефаномъ Вонифатьевичемъ, онъ пришелъ къ мысли о необходимости полного единенія во всемъ русской церкви съ тогдашнею греческою и уже ранѣе патриаршества Никона, какъ мы знаемъ ¹⁾, предпринялъ рядъ мѣръ для осуществленія этой мысли, которой онъ остался вѣренъ до конца своей жизни. Самъ Никонъ, какъ реформаторъ—грекофилъ былъ, въ значительной степени, созданиемъ царя Алексѣя Михайловича и, сдѣлавшись благодаря ему патриархомъ, долженъ былъ осуществлять въ свое патриаршество мысль государя о полномъ единеніи русской церкви съ тогдашнею греческою, причемъ

---

¹⁾ См. томъ первый, глава первая, моей книги: Патриархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ.

царь оказывалъ ему въ этомъ дѣлѣ постоянную, необходимую поддержку. Безъ энергичной и постоянной поддержки государя одному Никону, только своею патріаршею властію, провести свои церковныя грекофильскія реформы было бы рѣшительно невозможно.

Сдѣлавъ Никона патріархомъ, увѣрившись въ его полной готовности провести всѣ необходимыя церковныя реформы въ духъ полнаго единенія русской церкви съ тогдашнею греческою, сдѣлавъ Никона своимъ исключительнымъ довѣреннымъ лицомъ— „собинымъ другомъ“. Алексѣй Михайловичъ предоставилъ ему полную свободу проводить нужныя церковныя реформы и не считалъ себя въ правѣ вмѣшиваться въ это дѣло, почему оно и ведено было исключительно Никономъ, ведено имъ такъ, какъ онъ—Никонъ находилъ это лучшимъ и болѣе достигающимъ предположенной цѣли. Конечно во всѣхъ важныхъ случаяхъ Никонъ обо всемъ докладывалъ государю, совѣтывался съ нимъ и всегда дѣйствовалъ съ его согласія и одобренія. Но несомнѣнно также и то, что мнѣнія и возрѣнія именно Никона по тому или другому церковному вопросу всегда имѣли рѣшающее значеніе и въ тѣхъ случаяхъ, когда въ чемъ либо и не были согласны съ мнѣніемъ Алексѣя Михайловича, который уступалъ своему болѣе компетентному и свѣдущему, предполагалось, другу, благодаря чему въ церковной сферѣ Никонъ, во все время своего патріаршества, былъ самостоятельнымъ и независимымъ дѣятелемъ. Именно на такое отношеніе царя къ церковно-реформаторской дѣятельности Никона имѣются прямыя положительныя указанія современниковъ.

Іоаннъ Нероновъ, въ письмѣ къ царскому духовнику Стефану Вонифатьевичу, отъ 2-го мая 1654 года, говоритъ: „о себѣ самомъ пишеша къ намъ убогимъ, яко царь удивляется моему упрямству, и на себя такого чина не взимаетъ, что управити ему, государю, благочестіе... А еже реклъ еси, о вселюбезне, яко царь—государь положилъ свою душу и всю Русію на патріархову душу: не буди ему, государю, тако мудрствовати“. Нероновъ говорилъ Никону патріарху: „государь тебѣ волю далъ и потому ты теперь поступаешь посвоему. Азъ грѣшный, говоритъ онъ въ другомъ случаѣ, въ крестовой предъ соборомъ всѣхъ властей говорилъ тѣ слова (Никону): подаль равноапостольный, благочестивый госу-

дарь... тебѣ волю, и ты, не узнавъ, тако великія руганія творишь, а ему, государю, сказываешь: я-де дѣлалъ по евангелію и по отеческимъ преданіямъ“. Дѣйствительно Алексѣй Михайловичъ остерегался вмѣшиваться въ церковныя дѣла и въ церковное управленіе, хорошо зная, что такое вмѣшательство возбудитъ неудовольствіе въ Никонѣ и даже можетъ вызвать съ его стороны какой либо рѣзкій поступокъ. Когда Нероновъ примирился съ Никономъ, чего усиленно желалъ царь, послѣдній, разъ увидѣвъ Неронова въ соборѣ, весело обратился къ Ниюну, съ словами: „благослови его (Неронова) рукою“. И патріархъ государю рекъ: „изволь, государь, помолчать,—еще не было разрѣшительныхъ молитвъ“. И государь рекъ: „да чего же ты ждешь?“ И въ палату свою отыде;“ т. е. Никонъ публично и рѣзко сдѣлалъ замѣчаніе царю, что онъ вмѣшивается не въ свое дѣло, которое онъ, Никонъ патріархъ, знаетъ лучше нежели царь, почему и не нуждается въ его указаніяхъ. Павелъ Алепскій, при описаніи своего пребыванія въ Саввинскомъ монастырѣ, гдѣ онъ былъ вмѣстѣ съ антиохійскимъ патріархомъ и государемъ, рассказываетъ: „дьяконъ митрополита Миры, сосланный царемъ въ этотъ монастырь, гдѣ онъ пребывалъ въ полномъ довольствѣ,—не знаемъ, въ чемъ онъ провинился и за что патріархъ Никонъ запретилъ ему служить, въ этотъ день, позднимъ вечеромъ, явился къ царю, поклонился ему земно и просилъ дать ему разрѣшеніе служить обѣдню на другой день. Но царь отказалъ и отвѣтилъ ему: „боюсь, что патріархъ Никонъ отдастъ мнѣ свой посохъ и скажетъ: возми его и паси монаховъ и священниковъ: я не прекословлю твоей власти надъ вельможами и народомъ, зачѣмъ же ты ставишь мнѣ препятствія, по отношенію къ монахамъ и священникамъ?“ Услышавъ эти слова, замѣчаетъ Алепскій, мы изумились и подивились такой вѣрѣ, благочестію и почтенію къ архіереямъ“ 1).

Съ своей стороны и первые противники церковной реформы Никона почти единогласно увѣряютъ, что въ церковныхъ реформахъ Никона царь игралъ совершенно пассивную роль: онъ на все смотрѣлъ глазами Никона, во всемъ

1) Матеріалы для исторіи раскола т. I, стр. 48, 106, 154. Путешествіе антиох. патр. Макарія архидіак. Павла Алепскаго, переводъ Муркоса, вы. IV, 129.

соглашался съ нимъ, только подтверждалъ и оправдывалъ все, чтобы ни дѣлать въ церковной сферѣ Никонъ. Протопопъ Аввакумъ говоритъ: „Никонъ умъ отнял у милова (т. е. царя), у нынѣшняго, какъ близь его былъ. Я вѣдѣ тутъ тогда былъ, все вѣдаю“. Въ другомъ мѣстѣ Аввакумъ замѣчаетъ: „житіе (царя) было и нарочито исперва, да рассказалъ собака Никонъ еретикъ“. На соборѣ 1666 года Аввакумъ на вопросъ: православенъ ли царь? отвѣчалъ: „а государь нашъ царь православенъ, но токмо простою своєю душею принялъ отъ Никона, мнимаго пастыря, внутренняго волка, книги, чая ихъ православы, не разсмотря плевель еретическихъ въ книгахъ, внѣшнихъ ради браней, понялъ тому вѣры, и впредь чаю по писанному: праведникъ, аще падеть, не разбьется, яко Господь подкрѣпляетъ руку его“. Дьяконъ Федоръ говоритъ, что Никонъ разорялъ правую вѣру на Руси, „а самодержецъ ему о всемъ томъ не возбрани; видѣ матеръ свою святую церковь отъ разбойникъ разоряему, и не зазираеть, но паче заступаеть. Дивлюся помраченія разума царева, какъ отъ змія украденъ бысть! Или рещи: яко забвеніе и неразуміе на всѣхъ хвалится. Человѣкъ бо есть. Не вѣдый бо исперва льсти, не узна волка во овчей кожи пришедша... Въ символѣ льстець онъ—Никонъ лестію своєю *истиннаго* извергъ, на книги разгласныя и помѣтныя письменныя, кои валяхуся внѣ церкви, и не свидѣтельствванныя, на тѣ указуя: и таковымъ коварствомъ благовѣрнаго царя душу окрадѣ. По сему же образу и въ иныхъ догматахъ, яко змія Еву прельсти лукавствомъ своимъ, утанвая отъ него истину, яко врагъ, и сказуя ему. помазаннику Божію: ни въ коихъ книгахъ не обрѣтается *истиннаго*, государь, токмо въ печатныхъ московскихъ книгахъ приложено *истиннаго*... Вся онъ, еретикъ Никонъ, отъ царя закрылъ и загладилъ ложными словесы, да свое хотѣніе совершить... Самодержецъ о всемъ томъ Никону не возбрани; видѣ матеръ свою святую церковь отъ разбойника разоряему, и не поможе. Понеже, льстець онъ, улови его въ началѣ патріаршества, и рукописаніе взя отъ него, государя царя, да ни въ чемъ ему не возбраняеть, что начнетъ творити, еще же и отъ боляръ его заступаеть, да не возбраняють и не прешнають ему хотѣнія своего творити“¹⁾.

1) Матер. для истор. раск. III, 29, 37. II, 22—23. VI, 293—294, 320, 326.

Самъ царь Алексѣй Михайловичъ въ одномъ случаѣ рѣшительно и прямо заявляетъ, что во всѣхъ дѣлахъ, касающихся церкви, онъ предоставляетъ Никону полную свободу дѣйствій и утверждалъ безъ возраженій то, что считалъ нужнымъ и правымъ патріархъ Никонъ. Именно, въ грамотѣ къ константинопольскому патріарху Діонисію, отъ 26 декабря 1662 года, царь, о своемъ отношеніи къ церковной дѣятельности Никона, говоритъ: „мы вся правленія церковная на разсужденіе его (Никона) полагаемъ и совѣту его склоняемся“.¹⁾

Наконецъ и самъ Никонъ признаетъ, что царь, во время его патріаршества, по всѣмъ церковнымъ дѣламъ слушалъ его—Никона, подчинялся его совѣтамъ и указаніямъ и самъ не рѣшался вмѣшиваться въ церковныя дѣла. Въ письмѣ къ царю въ іюль 1659 года Никонъ пишетъ: „дивлюся о семъ: како вскорѣ въ такое дерзновеніе пришелъ еси (т.-е. царь), иже иногда страшился еси на простыхъ церковныхъ причетниковъ судъ наносити, яко же и святыя законы не повелѣвають; нынѣ же всего міра иногда бывша, аки пастыря, восхотѣлъ грѣхи и тайства видѣти?“ Въ грамотѣ къ константинопольскому патріарху Никонъ заявляетъ: „первѣе царь былъ благоговѣенъ зѣло и милостивъ, и во всемъ Божіимъ заповѣдемъ искатель, *елико мы возвѣщахомъ, и милостію Божіею и нашимъ благословеніемъ побѣди Литву*“. Свой принципиальный взглядъ на отношеніе царя къ церковнымъ дѣламъ Никонъ выразилъ въ слѣдующихъ словахъ въ письмѣ къ царю: „Господа ради, воздержися не своихъ искати, или исправляти“, т. е. Никонъ принципиально устраняетъ царя отъ всякаго вмѣшательства въ церковныя дѣла, какъ со всѣмъ неподлежащія его вѣдѣнію.²⁾

Такимъ образомъ оказывается, что царь Алексѣй Михайловичъ далъ Никону, при вступленіи его на патріаршую кафедру, только руководящую основную идею для его будущей реформаторской дѣятельности: достигнуть полного единенія во всемъ русской церкви съ тогдашнею греческою.

¹⁾ Гиббенецъ: Историческое изслѣдованіе дѣла патріарха Никона, т. II, 364.

²⁾ Подлинно дѣло о патріархѣ Никонѣ, изд. археогр. комиссіи 1897 г., стр. 5—8. Записки рус. археол. общ. II, 513.

Самый же способъ и характеръ выполненія этой задачи, во всѣхъ ея церковныхъ частностяхъ и подробностяхъ, онъ предоставилъ усмотрѣнiю Никона, отъ котораго исключительно и зависѣло проведенiе всѣхъ церковныхъ реформъ. Царь, съ своей стороны, считалъ своею непрѣмнною обязанностью всячески поддерживать и подкрѣплять своею властью и авторитетомъ всѣ реформаторскiе шаги Никона. Но когда Никонъ, по неудовольствию на царя, неожиданно оставилъ патриаршую кафедру и все управленiе русскою церковiю фактически перешло въ руки государя, когда къ нему отовсюду стали приходять заявленiя, что Никонъ не исправлялъ русскiя церковныя книги, чины и обряды, а только портилъ и искажалъ, когда царь увидалъ, что реформы Никона внесли большiе соблазны и смуты въ русскую церковную жизнь, отъ чего она пришла вся въ полное разстройство, и что въ русской церкви быстро нарождается расколъ, — онъ не могъ тогда не обратить серьезнаго вниманiя на церковную жизнь, не могъ не заботиться о приведенiи ея въ порядокъ: дальше оставлять церковныя дѣла въ ихъ тогдашнемъ состоянiи было невозможно. Царю Алексѣю Михайловичу поневолѣ пришлось теперь взять на себя патриаршiя обязанности по приведенiю церковныхъ дѣлъ въ порядокъ, и онъ съ честiю и энергiею выполнялъ ихъ въ теченiи восьми слишкомъ лѣтъ, пока не выбранъ былъ новый патриархъ.

Очень трудную и тяжелую задачу приходилось выполнить царю Алексѣю Михайловичу въ церковныхъ дѣлахъ. Ему необходимо было прежде всего разобраться въ томъ, каковы на самомъ дѣлѣ были книжныя исправленiя Никона, о которыхъ такъ много говорятъ и спорять, и могутъ ли онѣ во всемъ объемѣ, во всѣхъ частностяхъ и подробностяхъ быть признаны церковiю какъ правильныя, необходимыя и потому для всѣхъ обязательныя? Это былъ самый главный и настоятельно неотложный вопросъ, такъ какъ противники книжныхъ никоновскихъ исправленiй указывали на тотъ фактъ, для всѣхъ очевидный и неоспоримый, что вновь исправленныя Никономъ книги не только были несогласны съ старыми московскими печатными книгами, но несогласны и между собою: при Никонѣ было три выхода книги служебника и каждый выходъ былъ несогласенъ съ другимъ, что

прямо-де указываетъ на царившій въ книжныхъ исправленіяхъ произволъ справщиковъ, иначе между разными выходами служебника не могло бы быть различія. Чтобы положить конецъ спорамъ, и преципательствамъ, чтобы уничтожить смуту и броженіе въ умахъ по поводу никоновскихъ книжныхъ исправленій, чтобы устранить упрекъ въ произволѣ, самочиніи и „безсовѣтіи“ при книжныхъ исправленіяхъ, какой обыкновенно дѣлали Никону, царь рѣшилъ дѣйствовать въ этомъ дѣлѣ черезъ церковный соборъ, который долженъ былъ выработать опредѣленный церковный и авторитетный взглядъ на реформу Никона и потомъ сдѣлать этотъ взглядъ уже обязательнымъ для всѣхъ истинныхъ сыновъ церкви. Въ этихъ видахъ Алексѣй Михайловичъ 21 декабря 1662 года издалъ повелѣніе созвать церковный соборъ, который долженъ былъ, между прочимъ, порѣшить вопросъ и о книжныхъ исправленіяхъ Никона, причемъ на соборъ рѣшено было пригласить и восточныхъ патріарховъ. По повелѣнію царя немедленно образована была предсоборная комиссія, въ составъ которой вошли: Іона митрополитъ ростовскій, Иларіонъ архіепископъ рязанскій, бояринъ князь Никита Ивановичъ Одоевскій и бояринъ Петръ Михайловичъ Салтыковъ, думный дворянинъ Прокофій Кузмичъ Елизаровъ, думный дьякъ Алмазь Ивановъ и дьякъ Лукьянъ Голосовъ. Этой предсоборной комиссіи между прочимъ поручалось собрать справки „книжнаго печатнаго двора у справщиковъ: сколько при патріархѣ Никонѣ было выходовъ книгъ печатныхъ и какихъ, и однѣхъ книгъ выходъ съ выходомъ во всемъ ли сходны были, и будетъ не сходны, въ чемъ рознь и какая, и старыя печатныя и письменныя и харатейныя книги, изъ греческихъ присыльныхъ книгъ переводы, съ которыхъ новыя книги печатаны на печатномъ дворѣ нынѣ всѣ-ль есть, или которыхъ нѣтъ и гдѣ они нынѣ? У старца Арсенія Суханова (спросить), что онъ въ Палестинѣ купилъ какихъ книгъ на патріарха и иного всего, и что за все дано денегъ и куда отдано?“¹⁾ Это собраніе точныхъ справокъ предсоборной комиссіей вызывалось, по словамъ царской грамоты, гѣмъ обстоятельствомъ, что по поводу церковныхъ исправленій, бывшихъ

¹⁾ Гиб. I, 244.

при Никонѣ, „нынѣ въ народѣ многое размышленіе и соблазнъ, а въ иныхъ мѣстѣхъ и расколы“. Значить, имѣлась въ виду соборная провѣрка книжныхъ исправленій Никона въ цѣляхъ прекращенія смутъ и волненій, возникшихъ тогда въ церковной жизни. Какъ предсоборная комиссія выполнила возложенную на нее царемъ задачу и какія данныя она собрала о книжной справѣ при Никонѣ, мы, къ сожалѣнію, не знаемъ. Здѣсь только замѣтимъ, что соборнаго разсмотрѣнія и рѣшенія всѣхъ спорныхъ, волновавшихъ тогдешнее общество вопросовъ желали и противники церковной реформы Никона, о чемъ и заявляли царю, думая одержать на соборѣ рѣшительную публичную побѣду надъ сторонниками книжныхъ никоновскихъ исправленій. Нероновъ въ челобитной обращается къ царю: „нужно, христіюбивый царю, собору быти о прелестномъ его (Никона) мудрованіи и исправленіи церковномъ“. Дьяконъ Ѳеодоръ заявляетъ въ челобитной царю: „аще не собереши, государь, всѣхъ насъ во едино, кои стоятъ за старое и кои за новое, и обонхъ странъ словесъ не услышиши: не познаеши, государь, истины. Егда будетъ праведный между нами судія, или ты самъ, христіанская наша надежда, или инъ кто вѣрный твой царевъ слуга въ тебе мѣсто, аще мы предъ твоимъ царскимъ лицомъ недостойни стати: тогда сіи святіи себя оправятъ и леть прогонятъ отъ церкви далече, да паки чиста явится церковная нива отъ соблазнъ“. На допросѣ у саркскаго митрополита Павла въ 1665 году дьяконъ Ѳеодоръ заявлялъ: „а о служебникахъ де новыя печати говорить не смѣеть, а служить де по тѣмъ служебникамъ новыя печати не будетъ до собору. И преосвященный митрополить его, дьякона Ѳеодора, допрашивалъ, кто ему сказывалъ и почему вѣдаетъ, что о книгахъ новыя печати соборъ будетъ. А по допросѣ сказалъ: сказывалъ де ему про соборъ протопопъ Аввакумъ, а къ нему де Аввакуму, присылаю отъ великаго государя, какъ былъ на Москвѣ,—что бѣ терпѣль до собору а кто присыланъ, того не упомнить“. Инокъ Авраамій обращается къ царю: „вонми себѣ, Бога ради, даѣ праведный судъ здѣ намъ со отступники, отъ Никона мудрость пріимшими, да будущаго суда тамо убѣжиши. Вся тягота церковная нынѣ на твоей выи виситъ; а на властей ни на которыхъ нынѣ нечево смотритъ—времени служить, а на предъ не озираются

бѣднѣи пастуси. А ты, государь, аще на судѣ Христовѣ кощещи стати правѣ, дай намъ здѣ судѣ правѣ ¹⁾. Очевидно, соборный пересмотръ книжныхъ исправленій Никона, задуманный царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, вполне соответствовалъ и желаніямъ противниковъ книжныхъ исправленій Никона, которые, съ своей стороны, тоже на соборѣ возлагали все свои надежды на возвратъ старыхъ, дониконовскихъ порядковъ.

Понятно само собою, что дѣятельность предсоборной комиссіи и самого собора должна была получить то направленіе, какое дастъ имъ царь Алексѣй Михайловичъ, сдѣлавшійся, по удаленіи Никона, единственнымъ фактическимъ управителемъ всей русской церкви, почему его взгляды, убѣжденія и желанія во всехъ тогдашнихъ церковныхъ дѣлахъ имѣли рѣшающее значеніе. Но Алексѣй Михайловичъ былъ убѣжденнымъ грекофиломъ, онъ былъ инициаторомъ грекофильской реформаторской дѣятельности Никона, которой оказывалъ, во все время патріаршества Никона, полное одобреніе и энергическую поддержку, почему церковно-реформаторская дѣятельность Никона въ существенной своей части была выраженіемъ воззрѣній и желаній самого царя. Естественно было, поэтому, что Алексѣй Михайловичъ никакъ не могъ быть принципиальнымъ противникомъ произведенной Никономъ церковной реформы, ни подъ какимъ видомъ не могъ стать на сторону ея противниковъ и враговъ, не могъ отнестись къ ней отрицательно. Наоборотъ. Онъ долженъ былъ, по указаннымъ причинамъ, и по удаленіи Никона, всячески добиваться признанія всеми реформы Никона въ ея полномъ объемѣ. Къ этому, за послѣднее время, у него явились и новыя особыя побужденія, вызванныя послѣдними политическими событіями. Малороссія отдѣлилась отъ Польши, признала своимъ царемъ Алексѣя Михайловича и вошла въ составъ московскаго государства, какъ его нераздѣльная часть. Но въ Москвѣ православіе малороссовъ, какъ и православіе тогдашнихъ грековъ, возбуждало сильное сомнѣніе потому единственно, что церковно-обрядовая практика южнороссовъ сходилась съ тогдашнею греческою и разнилась отъ московской. Недаромъ, конечно,

¹⁾ Матер. I. 191, 598—599. VII. 44, 216.

многіе и отъ самого Никона слышали, какъ онъ говаривалъ на Москвѣ, до своего патріаршества: „гречане де и малые Росіи потеряли вѣру, и крѣпости и добрыхъ нравовъ нѣтъ у нихъ, покой де и честь тѣхъ прельстила, и своимъ де правомъ работаютъ, а постоянства въ нихъ не объявилоса и благочестія ни мало“. Когда Никонъ, уже патріархъ, въ свой Иверскій монастырь переселилъ изъ Кутеинскаго монастыря 30 человекъ малороссовъ иноковъ съ ихъ игуменомъ Діонисіемъ, котораго онъ сдѣлалъ игуменомъ Иверскаго монастыря, тогда иноки великороссы, ранѣе поселившіеся въ Иверскомъ монастырѣ, немедленно оставили его и разбрелись по другимъ монастырямъ, не желая жить вмѣстѣ съ малороссами, какъ сомнительными, на ихъ взглядъ, въ дѣлѣ православія и истиннаго благочестія. Казначей Иверскаго монастыря Нифонтъ, донося Никону объ уходѣ изъ монастыря прежней братіи и о поселеніи тамъ Кутеинскихъ иноковъ, замѣчаетъ: „а священника у насъ въ монастырѣ *нашея русскія вѣры нѣту ни единого* и намъ помереть безъ покаянія“, т. е. Нифонтъ Кутеинскихъ иноковъ не считалъ иноками „нашея русскія вѣры“ и не считалъ возможнымъ ходить на исповѣдь къ іеромонахамъ малороссамъ¹⁾. Очевидно отсюда, что если царь Алексѣй Михайловичъ рѣшилъ навсегда и прочно присоединить казацко-кіевскую Русь къ Москвѣ, то церковная реформа, въ смыслѣ полнаго единенія русской церкви съ тогдашнею греческою церковью, а слѣдовательно и съюжно-русскою, была рѣшительно необходима, такъ какъ церковная рознь, существовавшая тогда между сѣвѣрною и южною Русью, непризнаніе малороссовъ строго православными со стороны москвичей, легко могло породить вражду и ненависть между сѣвѣрною и южною Русью и сильно препятствовать ихъ политическому объединенію и слянію въ одно государство.

Царь Алексѣй Михайловичъ прекрасно былъ освѣдомленъ о существованіи оппозиціи реформамъ Никона не только въ средѣ бѣлаго приходскаго духовенства и чернаго—монастырскаго, но и въ средѣ высшей церковной іерархіи т. е. въ средѣ самихъ архіереевъ. Это послѣднее обстоятельство было для него особенно важно и заставляло его дѣйствовать очень

¹⁾ Акты Иверскаго монастыря, № 57.

осторожно, такъ какъ требовало отъ него прежде всего уничтожить оппозицію реформамъ Никона среди тогдашнихъ епископовъ. Въ этихъ видахъ царь не спѣшилъ выборомъ новаго патріарха на мѣсто Никона, хотя соборъ 1660 года и настаивалъ на этомъ. Алексѣй Михайловичъ хорошо понималъ, что при существовавшей смутѣ въ умахъ относительно церковной реформы, при всеобщей ненависти къ Никону и характеру всей его дѣятельности, подъ давленіемъ пропаганды и настояній приверженцевъ старины, въ патріархи можетъ попасть человекъ враждебный Никону и его реформѣ, человекъ, который будетъ стараться возстановить старые дониконовскіе церковные порядки, на что дѣйствительно и рассчитывали приверженцы старины. Недаромъ конечно Нероновъ въ глаза говорилъ Никону: „что ты одинъ незатѣваешь—непрочно, другой патріархъ по тебѣ все передѣлывать будетъ“. Это дѣйствительно легко могло случиться, если бы царь рѣшился избрать новаго патріарха на мѣсто Никона, вскорѣ послѣ удаленія послѣдняго съ патріаршей кафедръ, на чемъ особенно усиленно настаивалъ Нероновъ и другіе противники Никона. Но царь нарочно медлилъ избраніемъ новаго патріарха, а въ то же время ставилъ и выдвигалъ на первый планъ такихъ архіереевъ, которые безусловно были преданы произведенной церковной реформѣ, готовы были энергично постоять за нея. Къ числу такихъ лицъ принадлежали: Павелъ, митрополитъ крутицкій, Пларіонъ, архіепископъ рязанскій и Іоакимъ, тогда архимандритъ Чудова монастыря, а впослѣдствіи патріархъ. Они были главными органами, проводниками и исполнителями предначертаній государя при устройствѣ въ извѣстномъ духѣ тогдашнихъ церковныхъ дѣлъ, они, какъ говорятъ современные сторонники старины, были главными потаковниками царя, ревностными исполнителями всякихъ царскихъ желаній и повелѣній. Дьяконъ Федоръ говоритъ: „власти оклеветали насъ царю Алексію лестными глаголы и ложными баснями заочно, понеже бо оныя власти—темныя и пестрыя—всегда предъ царемъ бяху, мы же вси—страдальцы предъ царемъ не бѣхомъ никогда же поставляеми, ни единъ отъ насъ. Также и патріархомъ греческимъ оклеветали насъ они же, наши лучшіе архіереи, два лучшіе отступники: Павелъ крутицкій митрополитъ, да рязанскій архіепископъ Пларіонъ, и

третій Іоакимъ архимандритъ чудовской, челоѡкоугодницы цареѡы. Сїи три лукаѡи змїи зѡльнѡ цареву душу возмущаху и на кровопролитїе христіанское поучаху его присно, и въ прелести Никоновѡ укрѡпляху его, чести ради и славы вѡька сего“. Тотъ же дьяконъ Ѳеодоръ говоритъ, что Никоновы церковныя реформы окончательнѡ утвердили на соборѡ „не греческіе патріархи, но наши русскїя власти по страсти своей то учинили, стыда ради своего, и царь восхотѡ сему быти, понеже уже многа лѡта по новому его (Никона) уставу служили они вси, и новыя многїя книги напечатали, и многїхъ христіанъ примучили, сначала еще, и въ заточенїе загнали, кои не приняли тѡхъ новыхъ преданїй Никоновыхъ. И сего ради они архїереи, и книжницы, и старцы обратитися не восхотѡша на прежнее отеческое правѡвѡрїе, глаголюще намъ втайнѡ и явѡ: аще уже намъ, пастыремъ, и погибнути за отступленїе свое, а обратитися паки на первое невозможно! Все христіане укоряютъ насъ, и оплюютъ, и иновѡрїи иноземцы посмѡются намъ, вси въ Россїи живущїи! Великїй государь то изволилъ, а мы бы и рады по старымъ книгамъ пѡти и служить Богу, да его, царя, не смѡемъ прогѡвѡвати, и сего ради угрождаемъ ему; а тамо уже Богъ судитъ,—не мы завели новое! Все сими глаголы оправдаются безумнїи пастыри новыя, презирающе святаго Духа, глаголюща пророкомъ: убояшася страха, идѡже не бѡ страха, и: яко Богъ разсыпа кости челоѡкоугодникомъ. Они бо, врази,—вышереченнїи челоѡкоугодницы и душегубныя цареѡы потаковники: Павель митрополитъ крутицкїй и Ларїонъ архїепископъ рязанскїй, не по святымъ правиломъ наскочиша на престолы архїерейскїя: попы убо быша въ мїрѡ. Святая же правила постригшемуся попу не повелѡвають священствовати, не токмо архїерействовати, и святыи Аѡанасїй Великїй измещетъ таковыхъ презорцовъ: и тѡ убо два законопреступные архїереи утвердили все никонїанство, по хотѡнїю цареву; а прочїе всѡ власти нехотя послѡдовали имъ, славы ради и чести временныя: возлюбїиша бо славу челоѡческую, нежели славу Божїю“. Про Іоакима чудовскаго архимандрита, а потомъ патріарха, Ѳеодоръ рассказываетъ, что царь, послѡ многїхъ искательствъ Іоакима, всячески стремившагося занять видное положенїе, „разумѡ его угодна быти себѡ, и приказа его испытати Михаїлу Ргнщеву, которыя онъ (Іоакимъ)

держится вѣры—старья или новья. Михаилъ же исповѣда его тамо у себе о всемъ. Якимъ же сказа ему: азъ де, государь, не знаю ни старья вѣры, ни новья, но что велятъ начальницы, то и готовъ творити и слушать ихъ во всемъ. И Михаилъ сказалъ се царю. И посемъ поставили въ Чудовъ монастырь архимандритомъ на Павлово мѣсто,—пришель воръ на вора, а вси на Бога! Павла же поставили митрополитомъ на Крутицы, пасти вѣтры. И всѣхъ бо, елицѣхъ ставили при мнѣ во власти, и пестрыя и черныя, со отреченіемъ: аще кой чернецъ отречется древняго благочестія церковнаго всего и приметъ новое все никоново, того и поставятъ во власти будана. Азъ бо, грѣшный Ѳеодоръ дьяконъ, всему тому самозритель“. Ѳеодоръ же рассказываетъ, что предъ соборомъ 1666 года къ митрополиту крутицкому Павлу „во дворъ собирахуся всѣ архіереи, и книжницы, и старцы, якоже, къ Каіафѣ древле на Господа нашего Ісуса Христа, совѣтующе лукавая, како бо убити Его,—также и на насъ у него. Ему бо единому—Павлику и второму Іоакиму сказа царь тайну сердца своего, а они и прочихъ всѣхъ властей уже освоеваху, и утверждаху всѣхъ въ новинахъ стояти, а древнее преданіе все презирати и не во что же вмѣняти, а не хулити бы явно при насъ“. Въ частности про Іоакима, когда онъ уже сдѣлался патріархомъ, Ѳеодоръ говоритъ: „патріархъ Якимъ, отступникъ отеческаго преданія и паршивый пастьеръ не восхотѣ тому (старому) быти, и приказалъ по новому вся творити, стыда ради своего: понеже на соборищи томъ лучшій сватъ бысть, всякія отъ царя отвѣты и лести, и страхи и ласки, и прещенія и моленія и обличенія на новья бл.и относилъ“¹⁾).

Такимъ образомъ, по свидѣтельству тогдашнихъ защитниковъ старины, очевидцевъ происходившихъ событій, Алексѣй Михайловичъ единолично, послѣ оставленія Никономъ патріаршей каѳедры, управляя церковію, проводилъ свои планы въ церковныхъ дѣлахъ строго систематически и настойчиво: о всѣхъ кандидатахъ на высшія и вліятельныя церковныя должности онъ производилъ предварительныя справки,—за новое или за старое они стоятъ, и давалъ мѣста только тѣмъ лицамъ, которыя заявляли себя рѣшительными сто-

¹⁾ Матер. VI, 195. 199—201, 221, 223—229, 234.

ронниками и приверженцами никоновскихъ реформъ, благодаря чему постепенно происходилъ, при занятіи высшихъ церковныхъ должностей, систематическій подборъ лицъ строго опредѣленнаго направленія, отъ которыхъ царь уже не могъ ожидать противодѣйствія въ признаніи совершенныхъ церковныхъ реформъ. Главными органами въ проведеніи и укрѣпленіи этихъ реформъ царь сдѣлалъ, по единогласному свидѣтельству современниковъ, Павла митрополита крутицкаго, Иларіона архіепископа рязанскаго и чудовскаго архимандрита Іоакима, которые во всемъ исполняли волю и желанія царя, воздѣйствовали въ извѣстномъ направленіи на всѣхъ остальныхъ архіереевъ, такъ что послѣдніе шли уже за этими тремя лицами. Впрочемъ царю и его ближайшимъ креатурамъ очень нетрудно было уничтожить оппозицію реформамъ Никона среди тогдашнихъ архіереевъ.

Дѣло тутъ заключалось въ слѣдующемъ: начальная оппозиція архіереевъ реформамъ Никона главнымъ образомъ основывалась на ихъ нерасположеніи и враждѣ лично къ Никону, который не хотѣлъ признавать подчиненныхъ ему архіереевъ своими братьями, чрезмѣрно возвышался надъ ними, обращался съ ними гордо, надменно и даже очень грубо. Свое нерасположеніе лично къ Никону архіереи естественно переносили и на его реформы, которыя, казалось имъ, были только произведеніемъ личнаго самочинія и высокоумія Никона, пренебрегавшаго совѣтами и указаніями своихъ собратій—архіереевъ, и нетерпѣвшаго съ ихъ стороны ни малѣйшаго противорѣчія себѣ. Стараясь повредить и дискредитировать дѣятельность своего угнетателя, іерархи нападали и на реформы Никона, такъ какъ въ ихъ представленіи Никонъ и реформы сливались въ одно. Но когда они увѣрились, что Никонъ уже не будетъ болѣе ихъ патріархомъ т. е. тяжелымъ, грознымъ начальникомъ, когда они убѣдились, что за церковныя реформы твердо стоитъ самъ царь и довѣренныя и особенно близкіе ему іерархи—Павель и Иларіонъ, тогда они стали реформы Никона отдѣлять отъ его личности, стали порицать лично Никона, но уже не порицали его реформъ.

Съ другой стороны. Если изъ нерасположенія лично къ Никону, изъ желанія добиться его конечнаго низверженія, наши іерархи враждебно отнеслись къ самой церковной ре-

формъ Никона, старались отказаться отъ всякой солидарности съ ней; то все таки они не могли отвергнуть того несомнѣннаго и очевиднаго для всѣхъ факта, что Никонъ, какъ церковный реформаторъ, дѣйствовалъ опираясь на соборныя одобренія, какимъ бы образомъ онѣ ни получались. Въ виду этого, если бы присутствовавшіе на соборахъ при Никонѣ архіереи захотѣли рѣшительно отказаться отъ реформъ Никона и признать ихъ для церкви неприемлемыми, то имъ тогда пришлось бы торжественно и публично признаться, что присутствуя на соборахъ при Никонѣ и рѣшая на нихъ важные по тому времени церковные вопросы, они высказывали на соборахъ не свои искреннія настоящія мнѣнія и убѣжденія, а только то, что считали пріятнымъ всемогущему и грозному патріарху; они тогда должны были бы открыто сознаться, что для нихъ личное ихъ положеніе, различныя матеріальныя выгоды, соединенныя съ положеніемъ архіерея, личное спокойствіе и безопасность, гораздо важнѣе и цѣннѣе самыхъ дорогихъ и священныхъ интересовъ церкви и паствы, что они не истинные пастыри, а только трусливые, эгоистичные наемники. Это было бы тѣмъ болѣе справедливо, что истинные пастыри, съ самаго начала ставшіе за святую старину, смѣло и безбоязненно высказывали прямо въ глаза Никону свой отрицательный взглядъ на его реформы, смѣло обличали его и боролись съ нимъ, мужественно терпѣли за свои убѣжденія разныя преслѣдованія, ссылки, казни. Въ виду указанныхъ обстоятельствъ архіереи волей—неволей должны были въ концѣ признать свою солидарность съ церковно-реформаторскою дѣятельностію Никона, оправдывать ее, какъ законную и полезную для церкви, такъ какъ противоположное рѣшеніе вопроса окончательно сгубило бы въ мнѣніи общества ихъ архипастырскій авторитетъ и вызвало бы въ церковныхъ дѣлахъ еще большую смуту и шаткость. Протопопъ Аввакумъ говоритъ: „а никониане забрели во глубину золь за стыдъ свой; о совѣстми тѣми бодоми, яко жидовя, вѣдаютъ, что своровали надъ церковію. Бываетъ то, яко и не ради тому, за совѣсть стало,—невосможно стало покинуть дондеже изводъ возметъ“. То же утверждаетъ дьяконъ Федоръ. Онъ говоритъ: „Никона убо изгнали, а ново собранныя развратныя его уставы и чины и новыя книги вся утвердили. И се не греческіе

патріархи совершили, но наши русскія власти по страсти своей то учинили, стѣда ради своего, а царь восхотѣ сему быти“. Дьякопъ Федоръ даже утверждаетъ, что будто бы сами архіереи ему лично говорили, что они, по совѣсти и убѣжденію, готовы служить по старымъ книгамъ, и не дѣлають этого единственно ради царя. Онъ заявляетъ: „сказали Павелъ архіерей правду свою въ крестовой патріаршей, вряся со мною, тихо и къ слову нѣкоему сказавъ, рече ми: и мы, діаконе, знаемъ, яко старое благочестіе церковное все право и свято, и книги непорочны; да намъ бы царя оправить, того ради мы за новыя книги стоимъ, утѣшая его... Великій государь то изволилъ, а мы бы и ради по старымъ книгамъ пѣти и служить Богу, да его, царя, не смѣемъ прогнѣвати, и сего ради угождаемъ ему: а за то уже Богъ судить,—не мы завели новое“ ¹⁾.

Много помогли и сами защитники старины и ярые борцы за нее тому обстоятельству, что всѣ, даже колеблющіеся тогдашніе архіереи, очень скоро самымъ рѣшительнымъ образомъ и окончательно стали на сторону реформы Никона, всячески стали настаивать на ея церковномъ признаніи и обязательности для всѣхъ, и въ то же время рѣшительно отрицательно отнеслись ко всѣмъ сторонникамъ и защитникамъ до-никоновской церковной старины, какъ къ врагамъ и ругателямъ всей церковной іерархіи и самой православной вселенской церкви.

Противники Никона — реформатора, признавая реформы только личнымъ дѣломъ Никона, и всячески нападая на него какъ врага и развратителя русской правой вѣры и истиннаго благочестія, въ то же время вмѣстѣ съ Никономъ нападали и на всѣхъ тогдашнихъ архіереевъ, осыпая ихъ всевозможными ругательствами и оскорбленіями, всячески издѣваясь надъ ними, презрительно не признавая ихъ за истинныхъ, настоящихъ архиереевъ церкви. Протопопъ Аввакумъ, напримѣръ, обращается къ царю съ такою рѣчью: „я, бѣдной, тебѣ ворчу,—архіереи же не помогаютъ мнѣ, злодѣи, но токмо потакають лише тебѣ: жги, государь, христіанъ тѣхъ: а намъ какъ прикажешь, такъ мы въ церкви и поемъ; во всемъ тебѣ, государю, не противны; хотя мед-

вѣдя дай намъ въ алтарь, и мы рады тебя, государя, тѣшить, лише намъ погребы давай, да кормы съ дворца. Да право, такъ. Не лгу“. Онъ же презрительно—насмѣшливо говоритъ про современныхъ архіереевъ: „а то малое-ли дѣло, Богомъ преданное скидали съ головъ, и волосы расчесавъ, чтобы бабы блудницы любили ихъ, выставя рожу всю, да препояшется по титкамъ, воздѣвши на себя широкій жупанъ! Такъ ли то святіи предали смиренія образъ носить?.. Или ты чаешь, потому святы нынѣшніе законоположники—власти, что брюха-те у нихъ толсты, что у коровъ: да о небесныхъ тайнахъ не смыслятъ, понеже живутъ поскотски и всякому беззаконію ползки“. Или, напримѣръ, онъ восклицаетъ: „охъ, воры, бл...ы дѣти! Каковы митрополиты и архіепископы, таковы и попы наставлены“. Лазарь упрекаетъ царя, что онъ боится клятвы „студныхъ и мерзкихъ архіереевъ и іереевъ“. Дьяконъ Ѳеодоръ заявляетъ царю: „ей, государь царь православный, аще бы не твоя хриstopодобная къ намъ кротость и отеческія щедроты, давно бы пастыри и кости наши измождали, возмущаючи твою царскую душу“. Иллюстрируя эту свою мысль, Ѳеодоръ рисуетъ такую картину: нѣкоторымъ главнѣйшимъ противникамъ никоновской реформы, между прочими и самому Ѳеодору, вырѣзали языки, но Господь чудесно снова возвратилъ имъ даръ рѣчи. Тогда архіереи, повѣствуетъ Ѳеодоръ, „умыслиша инъ ковъ на нашу кровь грѣшную, лютѣйше перваго сугубо, еже бы не быти живымъ намъ. И придоша къ царю и начаша жалобу творити на тѣхъ, братію нашу о Христвъ, благочестія поборниковъ, и на насъ клеветали ему, глаголюще: развратники-де, государь, изгнаныя и осужденныя отъ насъ, пишутъ къ Москвѣ людямъ многимъ и хвастають, послѣ казни будто имъ паки Христось далъ языки иныя, и говорятъ попрержнему ясно. Царь же рече имъ: слышахъ и азъ о томъ. Тѣ же кровососы начаша роптати и клятися предъ царемъ, и широкии ризами потрясати, и колокольчиками, яко сучьки плясовыя, позвякивати, и глаголати царю лестныя глаголы: никако, государь тишайшіи!, нестатное то дѣло, еже Христу дати имъ языки послѣ нашея клятвы,—ви государь, лгутъ, или мало имъ отрѣзали уже то! И сего ради, говорятъ, пошли, государь, паки нарошно къ нимъ, врагомъ нашимъ, и повели при всемъ народѣ до основанія вырѣзати

языки у нихъ, и по руцѣ отсѣщи, за Христова то ихъ знаменіе крестное, и мы въ то время услышимъ и правду ихъ узнаемъ: дастъ-ли имъ Христось, Сынъ Божій, языки—тѣ, и какъ-то станутъ говорить паки и паки! Царь же рече имъ: батки, суть не устаѣ казнить-то; да боюся Бога! была уже имъ казнь,—и духовная ваша, и ваша градская! Они же, темныя власти, яко же жидовстїи архіереи рекоша Пилату о Христѣ, тако и они о насъ: кровь ихъ на насъ, государь, и на чадѣхъ нашихъ! не подобаетъ уже имъ противникомъ быти и живымъ! Къ сему же иную злую казнь возвели на ны въ то же время они, лукавыя зми, будто мы посланія писали на Довъ къ казакомъ и мїръ весь восколебали. И тѣмъ они, лестцы, возмutilи паче цареву душу на ны, еже бы чѣмъ пригнати насъ къ смерти. Царь же повѣрилъ имъ, послуша ихъ, и повелѣ на Москвѣ тѣхъ рабовъ Христовыхъ хватати, и въ темницы такоже сажати, и за караулъ передавати и мучити всяко. Къ намъ же, въ Пустозерье, посла полуголову Полтева, приказу Ивана Елагина, и повелѣ намъ паки языки вырѣзати до основанія послѣдняго и по руцѣ отсѣщи. Пригнавъ же скоро полуголова, и сотвори намъ тако при всемъ народѣ, и къ болѣзни язвъ нашихъ приложиша болѣзни, и къ ранамъ раны намъ прибавиша смертныя. Аще бы не Господь помогъ намъ паки—въ то время лютое, смертное, невозможно бы намъ уже и дыхати, и причнати. Праведный же судія и сердцевѣдецъ, Христось истинный Богъ нашъ, хотя лестное ихъ умышеніе посрамити, и прелесть никонїянскую и козни ихъ обличити, преславная сотвори о насъ, рабѣхъ своихъ, и въ томъ же часѣ по казни той даде намъ паки глаголати ясно, и раны вскорѣ исцѣли, яко всѣмъ людемъ дивитися и славити Бога о бывшемъ чудесѣ“. Инокъ Авраамїй говоритъ о тогдашнихъ архіереяхъ: „бѣднїи епископи руки свои приложиша къ Никонову мудрованію, мню, яко не хотяше лишитися чести маловременныя и за церковь Христову пострадати любоплотики, или яко пси нѣмїи не могуще лаяти на еретика: аможе онъ, яко слѣпыхъ водяше, туды въ путь и идяху, и ни въ чемъ не супротивляхуся, яко скоти безсловеснїи; нехотящихъ же съ ними отторгнутися отъ догматъ православїя, таковыхъ на муки различныя предающе и вмѣсто учительства мучительства санъ на себе воспрїимше. И

воистину збытся писаніе, яко пастыріе вѣка сего волцы быша“. Подобно Ѳеодору Аврааміѣ тоже утверждаетъ, что всѣ жестокости противъ защитниковъ старины исходятъ отъ архіереевъ. „Воистинну, Государь, пишетъ онъ, власти, паче того богоотступнаго Никона, правовѣрныхъ христіанъ люто озлобляютъ, а православную вѣру до конца истребляютъ, или реши, яко и всю искоренили. И таковымъ злымъ своимъ совѣтомъ и правленіемъ лукавымъ и тебя, государя, на гнѣвъ привели, еже оскорбляти страдальцевъ, языки рѣзати, дабы не глаголали о истинѣ, и руцѣ отсѣкати, дабы не писали на прелестъ ихъ обличительныхъ словесъ отъ божественныхъ писаній; многихъ и въ струбахъ сожигали...¹⁾).

По мнѣнію защитниковъ старины не только русскіе архіереи перестали быть настоящими, истинными пастырями, но и вся русская церковь перестала быть истинною православною церковію и въ мірѣ наступаютъ времена антихриста. Эту общую всѣмъ имъ мысль дьяконъ Ѳеодоръ выражаетъ такъ: „на мѣстѣ святѣмъ мерзость запустѣнія стояти будетъ, по Христову словеси и по Даніилову реченію пророчю, сирѣчь: священство покупное и скверное будетъ стояти въ алтарѣхъ церковныхъ, и крайніе самыя архіереи яко поваленныя болваны будутъ, глупы и неучительны, и на всякое дѣло благо не искусны, точію бо на твореніе пировъ, и на составленіе медовъ и прочихъ питій благовонныхъ, и на собраніе богатства тщательны будутъ и на блудъ лакомы. Поставляемые же отъ нихъ попы и діаконы ометіе человѣческое будутъ, ни къ чему же годны и пусты всякаго блага, токмо бо на соблазнъ міру и на погибель душевную и на всякое зло потаковники будутъ, и людемъ простымъ научиться и вопрошати о пользѣ душевнѣй не отъ кого будетъ, яко слѣпецъ слѣпца аще водить, и оба въ яму впадутъ... Тако бо и нынѣ есть и будетъ въ скончаніе вѣка сего“.²⁾

Наконецъ, защитники старины, при малѣйшей къ тому возможности, смѣло стремились вмѣшиваться въ самое церковное управленіе, вліять на него въ тѣхъ видахъ, чтобы придать всему теченію церковныхъ дѣлъ то направленіе,

¹⁾ Матер. VIII, 48. V, 288. IV, 2-3. VI, 36, 223—225. VII, 77, 78, 262, 369.

²⁾ Матер. VI, 185—186.

какое соотвѣтствовало ихъ воззрѣніямъ, вкусамъ и желаніямъ. Протопопа Аввакума, по возвращеніи его изъ Даурь, встрѣтили въ Москвѣ—царь, бояре и многіе знатныя лица, очень ласково и даже съ почетомъ, какъ пострадавшаго отъ суровости Никона. По поводу такого приѣма въ Москвѣ Аввакумъ возмнилъ, что Никонъ съ его реформами уже осужденъ безвозвратно, что въ Москвѣ начинается поворотъ къ старымъ до никоновскимъ порядкамъ, и что онъ—Аввакумъ призванъ содѣйствовать скорѣйшему возвращенію къ старинѣ, почему онъ и спѣшитъ подать отъ себя государю „Роспись, хто въ которые во владыки годятца“. Самъ Аввакумъ указываетъ на эту роспись въ своей второй челобитной царю. Онъ пишетъ: „грѣхъ ради моихъ и нынѣ скорбь къ скорби постиже мя, мню, маленькова ради моего моленница къ тебѣ, великому государю, о духовныхъ властѣхъ, ихже и нужно тебѣ, великому государю, списать, истинныхъ молитвенниковъ за тя къ Богу и правѣ исправить могущихъ благочестія ради Духа пресвятаго благодати, живущей въ нихъ“. Изъ челобитной Неронова государю, отъ 6 дек. 1664 года, мы узнаемъ и о нѣкоторыхъ лицахъ, которыя значились въ упомянутой росписи Аввакума. Нероновъ пишетъ: „оклеветали ево (Аввакума) тебѣ великому государю, власти, гнѣваяся на него, что онъ тебѣ, великому государю, подалъ моленейцо о Сергіѣ Салтыковѣ (бывшій строитель Безюкова монастыря) и о Никанорѣ (бывшій Саввинскій архимандритъ, а послѣ одинъ изъ главныхъ руководителей соловецкаго бунта) и о иныхъ ко жребію святительскаго чина, и рьяся за то, составили ложь, будто онъ, протопопъ, ходячи по улицамъ и по стогнамъ градскимъ, развращаетъ народы, уча, чтобъ къ церквамъ Божиимъ не приходили“¹⁾.

Въ виду всѣхъ указанныхъ обстоятельствъ, тогдашнимъ архіереямъ, которые сами официально уже давно служили по новоисправленнымъ книгамъ, крестились тремя, а не двумя перстами и вообще держали весь Никонѣ исправленный церковный чинъ и обрядъ, и на которыхъ, ради этого, вмѣстѣ съ Никонѣ, подало обвиненіе со стороны старообрядцевъ въ неправославіи, въ развращеніи правотѣ вѣры и истиннаго благочестія,—приходилось выбирать одно

¹⁾ Матер. V. 136. I, 198.

изъ двухъ: или отказаться отъ реформъ Никона и этимъ признать, что русская церковь въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, вслѣдствіе новшествъ Никона, дѣйствительно не была строго православною, а они настоящими строго православными епископами, имъ пришлось бы признать, что не они—высшіе іерархи церкви, а Аввакумъ, Лазарь, Ѳеодоръ, и имъ подобные, въ дѣйствительности были единственными вѣрными хранителями, мужественными поборниками и защитниками православія и что имъ, вслѣдствіе этого, по праву и справедливости должно принадлежать дѣйствительное высшее руководство дѣлами вѣры и благочестія. Или же архіереямъ приходилось признать законность и правильность реформъ Никона и противленіе имъ—за проявленіе самочинія, невѣжества и непониманія со стороны неразумныхъ ревнителей старины. Естественно, что архіереи избрали послѣдній выходъ, тѣмъ болѣе, что этого желалъ царь, а желаніе царя всегда было для нихъ закономъ, которому они безусловно подчинялись.

Тѣмъ не менѣе царь Алексѣй Михайловичъ и теперь дѣйствовалъ съ величайшею осторожностію и предусмотрительностію. Онъ рѣшилъ, еще до открытія собора, имѣть въ своихъ рукахъ такой строго официальный актъ, который бы дѣлалъ невозможнымъ малѣйшую попытку со стороны членовъ собора воспротивиться признанію и окончательному утвержденію церковной реформы Никона. И онъ вполне достигъ этой цѣли. 29 апрѣля 1666 года царь пригласилъ на соборъ въ Москву всѣхъ русскихъ архіереевъ и настоятелей важнѣйшихъ монастырей. Но прежде открытія собора Алексѣй Михайловичъ устрояетъ предварительное предсоборное присутствіе изъ архіереевъ и приглашенныхъ настоятелей монастырей и дѣлаетъ имъ предложеніе, чтобы каждый изъ нихъ письменно, за собственноручною подписью, далъ отвѣты на слѣдующіе три вопроса „*первое*: какъ намъ долженствуетъ исповѣдати святѣйшихъ греческихъ патріарховъ: константинопольскаго, александрійскаго, антиохійскаго и іерусалимскаго, аще они православни суть? *Второе*: книги греческія *печатныя* и древнія *рукописныя*, иже святѣйшіе греческіе патріархи употребляютъ и по нимъ все славословіе Божіе исполняютъ, и чины церковныя, како исповѣдати долженствуемъ? *Третье*: соборъ, бывшій въ богоспасаемомъ,

преименитомъ, царствующемъ, великомъ градѣ Москвѣ, при благочестивѣйшемъ и богохранимомъ государѣ нашемъ царѣ и великомъ князѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцѣ, и при святѣйшемъ Никоѣѣ патріархѣ, и царскаго пресвѣтлаго величества при всемъ его синклитѣ, подписанный священныхъ руками, какъ исповѣдати нынѣ намъ долженствуетъ, иже содѣяся въ царскихъ палатахъ въ лѣто отъ созданія міра 7162, отъ поплоти рождества Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа въ лѣто 1654-е? Понятно само собою, что всѣ находившіеся въ предсоборномъ собраніи архіереи, архимандриты и игумены прекрасно знали, какой отвѣтъ на поставленные вопросы желаетъ получить царь, и что иного отвѣта, несогласнаго съ желаніемъ царя, имъ дать невозможно, тѣмъ болѣе что каждый изъ нихъ долженъ былъ дать свой письменный отвѣтъ въ отдѣльности отъ другихъ, за своею собственноручною подписью. Кромѣ того, относительно нѣкоторыхъ членовъ предсоборнаго собранія заранѣе было извѣстно, что они напишутъ свои отвѣты согласно желанію государя, почему, при такихъ условіяхъ, охотниковъ проявлять свое несогласіе съ царемъ конечно не пашлось. Вслѣдствіе этого всѣ важнѣйшіе члены собора; *еще за два мѣсяца до соборныхъ засѣданій*, уже дали государю, каждый въ отдѣльности, письменное заявленіе, что тогдашнихъ греческихъ патріарховъ, ихъ печатныя и рукописныя книги, они признаютъ вполнѣ православными, точно также и соборъ 1654 года, рѣшившій произвести у насъ церковную реформу, признаютъ настоящимъ соборомъ, а его постановленія для себя обязательными. Слѣдовательно, еще до открытія собора его члены уже письменно выразили полное свое согласіе на признаніе правильности всей произведенной Никономъ реформы ¹⁾.

Обезпечивъ, еще до открытія собора, признаніе никоновскихъ церковныхъ реформъ голосами всѣхъ важнѣйшихъ членовъ будущаго собора, Алексѣй Михайловичъ обратилъ вниманіе и на другую не менѣе важную сторону дѣла: на тѣхъ лицъ, которыя открыто и рѣшительно заявляли себя доселѣ непримиримыми врагами никоновскихъ реформъ. Относительно ихъ царь Алексѣй Михайловичъ держался со-

¹⁾ Матер. II, 35.

вершено иной тактики, чѣмъ патріархъ Никонъ. Послѣдній проводилъ реформы только опираясь на свою громадную власть, на тотъ страхъ, который онъ внушалъ всѣмъ, на тѣ суровыя насильственныя мѣры, какія онъ употреблялъ противъ всѣхъ, кто былъ не согласенъ съ нимъ и противился ему. Но запрещенія, лишенія сана, ссылки, заточенія и казни, которыя Никонъ пускалъ въ ходъ противъ своихъ противниковъ, никого, конечно, не убѣждали въ правотѣ его реформъ и нисколько не уничтожали оппозиціи, напротивъ,—она все болѣе усиливалась и разрасталась. Очевидно для ея уничтоженія, или по крайней мѣрѣ ослабленія, нужны были другія мѣры. Это хорошо понялъ Алексѣй Михайловичъ. Уже по своему сравнительно мягкому и благодушному характеру Алексѣй Михайловичъ не могъ быть сторонникомъ однихъ только крутыхъ и насильственныхъ мѣръ, какія практиковалъ Никонъ,—онъ несомнѣнно не одобрялъ ихъ, хотя и не противодействовалъ въ этомъ Никону, считая его единственно правомочнымъ и вмѣстѣ единственно отвѣтственнымъ за всѣ мѣры, какія онъ, будучи патріархомъ, находилъ нужнымъ предпринимать въ церковныхъ дѣлахъ. Что Алексѣй Михайловичъ далеко не всегда сочувствовалъ и одобрялъ крутыя мѣры и расправы Никона съ его противниками, это, между прочимъ, видно изъ слѣдующаго: когда Никонъ сослалъ Неронова въ Спасокаменный монастырь, царь поддерживалъ сношенія съ ссыльнымъ протопопомъ чрезъ своего духовника—Стефана Воиновича и всячески старался примирить Неронова съ Никономъ. Когда Нероновъ, по совѣту Стефана, съ согласія и разрѣшенія государя, постригся тайно въ монахи, онъ цѣлыя сорокъ дней послѣ этого проживалъ тайно, рядомъ съ Никономъ, у Стефана, о чемъ хорошо зналъ и царь. Но онъ не выдалъ Неронова Никону, который всюду разыскивалъ его, и не могъ найти, не подозрѣвая, что Нероновъ живетъ рядомъ съ нимъ и что объ этомъ хорошо знаетъ царь, который даже приказалъ освободить двухъ работниковъ Неронова, арестованныхъ было Никономъ. Конечно по желанію и съ одобренія царя Нероновъ пошелъ на примиреніе съ Никономъ, которое, къ удовольствію царя, наконецъ и состоялось. Тактику—умиротворять и примирять, а не раздражать и ожесточать, Алексѣй Михайловичъ считался приложить, какъ мы видѣли, и въ своихъ отноше-

нѣяхъ къ протопопу Аввакуму. Онъ нарочно вызвалъ его изъ Сибири въ Москву, гдѣ встрѣтилъ его съ честію, оказывалъ ему свое особое вниманіе и ласку, а въ то же время настоятельно требовалъ отъ него, чтобы Аввакумъ, по крайней мѣрѣ открыто и публично, не возставалъ противъ новыхъ церковныхъ порядковъ и не возстановлялъ противъ нихъ другихъ. Аввакумъ не выполнилъ этого требованія царя и потому долженъ былъ отправиться въ ссылку на Мезень. Но и теперь царь не оставилъ мысли примирить Аввакума съ церковію. Съ этою цѣлію, предъ соборомъ 1666 года, Аввакумъ заранѣе привезенъ былъ изъ ссылки въ Москву и поселенъ въ Боровскомъ Калужскомъ монастырѣ. Царь посылалъ сюда разныхъ лицъ уговаривать и убѣждать Аввакума примириться съ церковію на почвѣ признанія церковныхъ реформъ Никона. Царь даже шель будто бы на какія-то уступки, лишь бы только примирить Аввакума съ церковію. По крайней мѣрѣ, по разсказу послѣдняго, царь присылалъ къ нему говорить отъ его лица: „пожалуй-де послушай меня (государя): соединишь со вселенскими тѣми хотя не большимъ чѣмъ“. Кромѣ Аввакума въ Москву были вызваны и другіе извѣстные сторонники и защитники церковной старины для предварительныхъ увѣщаній и уговоровъ, въ видахъ примиренія ихъ съ новыми церковными порядками. Архіереямъ и другимъ лицамъ, которыя должны были вести собесѣдованія и увѣщанія съ приверженцами церковной старины, дана была инструкція дѣйствовать только убѣжденіемъ, уговорами, ласкою, никакъ не раздражать и не обижать защитниковъ старины, и, особенно, не хулить предъ ними старопечатныхъ книгъ и прежнихъ церковныхъ обычаевъ. Дьяконъ Федоръ, который также призывался для увѣщаній, разсказываетъ про себя: когда царь, въ 1666 году, разослалъ всѣмъ властямъ приглашеніе явиться на соборъ, то, говоритъ Федоръ, „мнѣже, между съѣздомъ ихъ, многіе поставки были, и распросы, и ласканія, и уговоры отъ Павла митрополита, *по приказу цареви*, во дворъ его, и въ соборной церкви, и патриаршей крестовой, дабы азъ приложился къ соборищу ихъ, и пріялъ бы вся новыя книги, и ничего бы въ нихъ не хулилъ. И мнѣ не восхотѣся послѣдовати отступленію ихъ“. Затѣмъ разсказывалъ, что у крутицкаго митрополита Павла собирались всѣ съѣхавшіеся на соборъ

архіерен и что на эти архіерейскія собранія призывали и его—дьякона Федора для уговоровъ и увѣщаній, онъ повѣствуетъ: „вопрошаемъ же мы ихъ всѣхъ купно архіереевъ и всего собора ихъ: православны-ли быша прежніе цари наши московскія, и великія князи, и святѣйшіе патріархи, и митрополиты, и архіепископы, прочія вси святители русскія, и при нихъ рукописныя и печатныя книги церковныя вся правы-ли суть и непорочны? Отвѣщаху они вси намъ воедино слово, яко вси прежніи цари и великія князи, и святѣйшія патріархи и святители православни быша, и при нихъ рукописныя и печатныя книги вся правы и непорочны суть,—ихъ мы не хулимъ. Тако сказовали намъ, яко правы старыя книги и не хулимъ ихъ, а не стоятъ за нихъ, и въ руцѣ свои взять не хотятъ ихъ: а ивни и хотятъ взять ихъ, но не смѣютъ и боятся начальныхъ отступниковъ. И тако ихъ зміи лукавый опуталь всѣхъ страхомъ земнымъ и самолюбіемъ вѣка сего, и отторже ихъ отъ истины“. Современный событіямъ составитель житія боярыни Морозовой рассказываетъ, что Павелъ митрополитъ крутицкій и Іоакимъ чудовскій архимандритъ пытались, по приказу государя, кроткими мѣрами подѣйствовать на Морозову: „Павелъ митрополитъ начать ей глаголати тихо, воспоминавая ея честь и породу: и сіе тебѣ сотвориша старцы и старицы, прельстившія тя, съ ними же любовнѣ видалася еси и слушалася ученія ихъ, и доведоша тя до сего безчестія, еже приведенѣ быти честности твоей на судище. Потомъ же многими словами кротяще ю увѣщеваху, яко да покорится царевнѣ. И красоту сына ея воспоминаху, яко да помилуеъ его и да не сотворитъ дому его разорену быти своимъ прекословіемъ. Она же противу всѣхъ ихъ словесъ даяше имъ предъ боляры отвѣты... Митрополитъ спрашивалъ еще: и како убо ты о насъ всѣхъ мыслиши,—еда вси еретицы есмы? Она же отвѣща: понеже онъ, врагъ Божій Никонъ, своими ересьми яко блевотиною наблеваль, а вы пынѣ то оскверненіе его полизаете, и посему явѣ, яко подобни ему есте. Тогда Павелъ возопи вельми, глаголя: о что имамы сотворити? Се всѣхъ насъ еретиками называетъ... И бысть ей пренія съ ними отъ втораго часа нощи до десятаго“. Инокъ Авраамій о бывшихъ ему увѣщаніяхъ рассказываетъ: „начамъ говорити рязанскоу архіепископу Пларіонъ: какъ, бѣд-

ной Аврамей, дѣло Божіе творите безъ страха! Уже у васъ соборная апостольская церковь не церковь, таинство не таинство, архіереи не архіереи, вѣра православная христіанская не вѣра! Приди, братецъ Аврамей, въ разумъ! И паки рече еще: тебя брата исповѣдую себѣ, аще приидеши въ разумъ и истину познаеши. Прииди, брате Авраме, въ разумъ и помилуй самъ себя! Престани прекословити архіереомъ, хотящимъ тебя видѣти во истинѣ и о спасеніи твоёмъ пекущимся. Да и сіе, брате Аврамей, помысли: мы сами себѣ хотимъ ли погибели?“ Во время этихъ увѣщаній и преній архіереи указывали ревнителямъ старины, откуда собственно происходитъ ихъ противленіе никоновской реформѣ и всякимъ вообще новшествомъ: „а вы, брате Аврамей, говорилъ архіепископъ Иларіонъ, конечно за невѣдѣніе погибаете. Не учася риторства, ни философства, ниже граматическаго здраваго разума стяжали есте, а начнете говорить выше ума своего“¹⁾.

Иногда увѣщанія архіереями защитниковъ старины переходили въ горячія пренія съ ними, которыя, вслѣдствіе несдержанности спорящихъ, взаимныхъ рѣзкихъ обличеній въ неправославіи, принимали довольно бурный характеръ. Такъ протопопъ Аввакумъ свои пренія съ увѣщавшими его митрополитомъ крутицкимъ Павломъ и архіепископомъ рязанскимъ Иларіономъ характеризуетъ такимъ заявленіемъ, что онъ „съ кобелями тѣми грызся, яко гончая собака съ борзыми—съ Павломъ и Иларіономъ“. Иногда и сами увѣщатели іерархи, въ виду рѣзко-обидныхъ заявленій увѣщаемыхъ, не выдерживали до конца своей умиротворяющей роли, приходили въ крайне возбужденное и гнѣвное состояніе и пускали въ ходъ, относительно увѣщаемыхъ, кулачную расправу. Инокъ Авраамій, вызванный для увѣщаній въ предсоборную комиссію, изображаетъ такую характерную картину бывшихъ ему увѣщаній: Авраамій сталъ говорить крутицкому митрополиту Павлу, что въ Россіи теперь велѣть всѣмъ учиться новой вѣрѣ, о какой ранѣе и не слышали, а прежнюю православную вѣру уже считаютъ не правой и что, значить, теперь слѣдуетъ всѣмъ, не исключая самихъ архіереевъ, креститься вновь въ эту новую вѣру,

¹⁾ Матер. V, 81. VI, 235. VIII, 164—166. VII, 394—395.

такъ какъ старое крещеніе болѣе уже недѣйствительно. „И сіе мое разсужденіе, говоритъ Авраамій, Павлу митрополиту зѣло полюбилось: не усидѣлъ на мѣстѣ своемъ, и воставъ прииде ко мнѣ, и любезно ми отъ своего смиренія почаль подавать благословеніе—вземъ мя лѣвою своею рукою за бороду и нача браду мою крѣпко держати, паче же и терзати. И сіе творя святитель, болѣзнуя о мнѣ, исповѣдалъ брады моея, крѣпка ли есть, что бы было за что держати, егда станетъ десницею своею благословлять; вѣдая сіе крѣпкое благословеніе, сего ради держа мя, что бы не пошатился отъ его благословенія, и о поможь палатный не ушибся. Егда исповѣдалъ браду мою, началъ десницею своею по лапнтамъ моимъ довольно мя благословляти, да и по носу довольно мя благословилъ. А приговаривалъ, благословляя, сице: за крещеніе свое я стану,—я крестился крещеніемъ, что Никонъ патріархъ на соборѣ съ архіереи исправилъ. И зѣло распался на меня яростію, и збилъ съ главы моея клубукъ и камилавку на полъ, простовласа вода мя по палатѣ за бороду, говорилъ сице: скажи, что разньство въ старомъ и новомъ крещеніи? Азъ же рѣхъ ему: не бранитися азъ съ вами здѣ приидохъ: довольно ми есть твоего благословенія, и сіе ми любезно есть. И радуяся сердцемъ и лицомъ улыскаюся, рѣхъ ему: припамятуи владыко, что писано въ святыхъ правилѣхъ: іереи, бія вѣрна и цевѣрна, извержется. Кольми паче архіерею должно смиреніе имѣти, не яко обладающе причтомъ, но яко образъ стаду бывающе. Онъ же глагола ми: вѣсть ми въ семь порока,—я хошу тебя, врага довольно бити, яко Николай Арія еретика. Прочія же власти, вологодской и чудовской, якобы устыдилися и говорили съ тихостію Павлу митрополиту, что бы престалъ отъ дерзости“, и Павелъ дѣйствительно прекратилъ наконецъ свою дикую расправу съ увѣщеваемымъ. Когда недѣли черезъ двѣ Авраамія вновь поставили предъ увѣщательной комиссіей, въ которой находился теперь и рязанскій архіепископъ Иларіонъ, послѣдній старался подѣйствовать на Авраамія ласкою и убѣжденіемъ, называлъ его своимъ братомъ и, въ видахъ нѣсколько оправдать предъ нимъ поведеніе Павла митрополита, во время предшествующаго увѣщанія, говорилъ ему: „ты, прекословя истинѣ, архіерея прогнѣвалъ. Да и о семь зазираешь архіереомъ, что за твое прекословіе

дерзнулъ рукою. А Господь нашъ непокоривыхъ билъ, намъ образъ показалъ, егда бичъ сотворилъ отъ вервн, изгналъ купующихъ изъ церкви“, т. е. Иларіонъ призналъ, что архіереи, будто бы по примѣру самаго Христа, можетъ и въ правѣ, въ извѣстныхъ случаяхъ, прибѣгать къ личной кулачной расправѣ съ человѣкомъ, прогнѣвавшимъ архіерея своимъ противленіемъ истинѣ ¹⁾).

Такимъ образомъ прежде чѣмъ открыть соборъ, который долженъ былъ заняться окончательнымъ устройствомъ и приведеніемъ въ порядокъ всѣхъ церковныхъ дѣлъ, царь Алексѣй Михайловичъ предпринялъ предварительныя мѣры, что бы на соборѣ церковныя реформы Никона были признаны правыми, для всѣхъ обязательными, и чтобы противящіяся имъ были доведены до сознанія необходимости признать ихъ. Съ этою цѣлю Алексѣй Михайловичъ, съ одной стороны, еще до созванія собора уничтожилъ всякую возможную оппозицію реформамъ Никона среди архіереевъ и другихъ членовъ собора; съ другой стороны—путемъ настойчивыхъ увѣщаній и убѣжденій важнѣйшихъ защитниковъ церковной старины, старался подготовить почву къ окончательному уничтоженію на соборѣ всякаго противодѣйствія съ ихъ стороны новымъ церковнымъ порядкамъ. И только предпринявъ эти предварительныя мѣры царь 29 апрѣля 1666 года открылъ соборъ.

Прежде чѣмъ говорить о дѣяніяхъ собора 1666 года, мы должны сдѣлать о немъ нѣсколько предварительныхъ замѣчаній, которыя помогутъ намъ лучше разобраться въ ходѣ послѣдующихъ событій.

Подлинныхъ записей о дѣяніяхъ собора 29 апрѣля 1666 года до насъ не дошло, а дошла только ихъ литературная обработка, сдѣланная, по порученію государя, извѣстнымъ тогдашнимъ ученымъ, выходцемъ юго-западной Руси,—старцемъ Симеономъ Полоцкимъ. Полоцкій, при обработкѣ соборнаго матеріала, относился къ нему довольно свободно и даже вносилъ въ соборныя дѣянія и нѣчто свое личное. Такъ онъ приидѣлалъ къ соборнымъ дѣяніямъ сочиненное имъ вступленіе, совершенно безсодержательное, не имѣющее никакой исторической цѣнности и къ дѣлу прямо неотнося-

¹⁾ Матер. VII, 391—394.

щеся,—обычный продукт тогдашняго пустаго краснорѣчія Затѣмъ. вмѣсто подлинной рѣчи царя къ собору, помѣстилъ въ дѣяніяхъ рѣчь своего собственнаго сочиненія. То же онъ сдѣлалъ и съ рѣчью митрополита Питирима, которую тотъ говорилъ отъ лица собора въ отвѣтъ на рѣчь царя. Причемъ самъ Полоцкій въ своихъ соборныхъ дѣяніяхъ дѣлаетъ такія простодушныя помѣты: „Слово великаго государя ко освященному собору. Здѣ написать рѣчь великаго государя, или, доложивъ его, великаго государя, сію послѣдующую“ и дѣйствительно затѣмъ въ дѣяніяхъ помѣщаетъ рѣчь своего сочиненія. Или имъ надписано: „здѣсь рѣчь преосвященнаго митрополита (т. е. Питирима) написать, или, вмѣсто ея, сей отвѣтъ“ и помѣщаетъ далѣе отвѣтъ имъ самимъ составленный. Иногда Полоцкій въ своихъ дѣяніяхъ совсемъ опускалъ дѣля соборныя засѣданія съ происшедшими на нихъ преніями по очень важнымъ вопросамъ. Такъ, на соборѣ 1666—1667 года, въ теченіи нѣсколькихъ засѣданій, происходили очень характерныя и горячія пренія о власти царской и патриаршей въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Между тѣмъ въ дѣяніяхъ Полоцкаго мы не находимъ и намека на эти засѣданія и пренія, какъ будто въ дѣйствительности ихъ вовсе и не было, хотя съ ними насъ подробно знакомитъ другой достовѣрный современный источникъ. Къ соборнымъ дѣяніямъ Полоцкій относитъ и такія событія, которыя не были собственно соборными дѣяніями, а только предшествовали имъ, какъ предварительныя предсоборныя дѣйствія. Такъ, напримѣръ, его первое соборное дѣяніе, въ которомъ описывается, какъ собравшіеся на соборѣ архіереи, прежде чѣмъ приступать къ разсмотрѣнію какихъ либо дѣлъ, рѣшили напередъ „соиспытатися и созвѣскати“, какъ сами они, архіереи, смотря на греческихъ патриарховъ, на греческія книги и на новоисправленныя съ нихъ русскія, на бывшій при Никонѣ соборѣ 1654 года,—не было въ дѣйствительности соборнымъ дѣяніемъ, а предварительнымъ предсоборнымъ актомъ, устроеннымъ по приказанію государя, для уничтоженія всякой возможности со стороны архіереевъ проявить на соборѣ какое либо противодѣйствіе признанію никоновской реформы. Свои письменныя заявленія по указаннымъ вопросамъ всѣ архіереи уже подали въ февралѣ, между тѣмъ какъ соборъ былъ открытъ

только 29 апрѣля. Нѣкоторыя бывшія на соборѣ событія протекали въ теченіи двухъ засѣданій, а въ дѣянiяхъ Полоцкаго онѣ представлены происходящими въ одномъ засѣданіи; или: что происходило нѣсколько позже, у него поставлено ранѣе и наоборотъ. Даже хронологическія данныя, когда происходило то или другое засѣданіе, у него почти совсѣмъ отсутствуютъ. Но что самое главное и существенное: Полоцкій два совершенно различныхъ собора слилъ въ своихъ дѣянiяхъ въ одинъ и описалъ ихъ дѣянiя, какъ дѣянiя одного собора. Между тѣмъ въ дѣйствительности у насъ было въ 1666 году не одинъ, а два совершенно различныхъ собора: первый былъ открытъ 29 апрѣля, а закрытъ, судя по датѣ на соборномъ наставленіи, не позже 2-го іюля. Второй соборъ того же года былъ открытъ 29 поября т. е. чрезъ пять мѣсяцевъ послѣ закрытія перваго и продолжался потомъ въ 1667 году. Эти два собора были существенно различны между собою не только по времени, но еще—прежде всего: по самому составу своихъ членовъ. *Соборъ открытый 29 апрѣля 1666 года состоялъ исключительно изъ однихъ русскихъ архіереевъ. Между тѣмъ Полоцкій въ своихъ дѣянiяхъ говоритъ, что въ февралѣ 1666 года собрались „въ царствующій и богоспасаемый градъ Москву, на святыи соборъ, преосвященнии архіереи благочестивыя великороссійскія державы и иностраннии, въ то время прилуцившіися въ царствующемъ градѣ Москвѣ“.* Въ дѣйствительности же, хотя въ то время въ Москвѣ были иностранные митрополиты: сербскій Феодосій, газскій Паисій Лигаридъ, иконітскій Аванасій и амасійскій Козьма, но ни одинъ изъ нихъ не былъ приглашенъ на соборъ, открывшійся 29 апрѣля, и ни одинъ изъ нихъ не присутствовалъ и не принималъ въ его дѣянiяхъ никакого участія, въ чемъ ясно удостовѣряють сохранившіися подъ соборными дѣянiями подписи присутствовавшихъ на соборѣ архіереевъ, между которыми нѣтъ ни одной подписи иностранныхъ архіереевъ, что было бы невозможно, если бы они присутствовали на соборныхъ засѣданiяхъ. Да это и понятно. На соборѣ 1666 года, 29 апрѣля, занимались только допросомъ и увѣщаніями отдѣльныхъ защитниковъ старины и рѣшеніемъ чисто мѣстныхъ вопросовъ относительно церковнаго благочинія. Очевидно иностранцы, вслѣдствіе незнанія ими русскаго языка, были на такомъ чисто

русскомъ соборѣ совсѣмъ ненужны и бесполезны, не говоря уже о томъ, что русское правительство сначала имѣло въ виду бороться съ мѣстными беспорядками русской церковной жизни своими собственными домашними силами и средствами, не прибѣгая пока къ помощи иностранцевъ. Наконецъ соборъ 29 апрѣля не только составомъ своихъ членовъ отличался отъ собора, открытаго 29 ноября, но и по самому характеру своихъ рѣшеній и поставленій, какъ это мы увидимъ ниже, почему и съ этой стороны указанные два собора никакъ не слѣдуетъ смѣшивать и соединять въ одинъ соборъ, а нужно ихъ разсматривать какъ два отдѣльные самостоятельные собора.

29 апрѣля 1666 года царь открылъ соборъ, состоявшій исключительно изъ однихъ русскихъ архіереевъ, рѣчью къ отцамъ собора, въ которой онъ изображалъ плачевное состояніе тогдашнихъ церковныхъ дѣлъ и всего положенія церкви, и приглашалъ отцевъ собора ревностно потрудиться къ искорененію возникшаго зла и къ водворенію прочныхъ церковныхъ порядковъ. Указывая на возникающій въ русской церкви расколъ, царь говорилъ: „уже богохульное ихъ (противниковъ церкви) плодоношеніе не точію по различныхъ царствіяхъ, Богомъ намъ врученнаго, странахъ, градѣхъ же и весѣхъ, обносится, но и въ самый сей градъ престола нашего вомчеса, даже и нашими въ свитцѣхъ рукама, въ словесѣхъ же ушесома, прикоснутися. Яже услышавше мы и прочетше, абіе богонаставленіемъ познахомъ діаволе быти сѣмя, сицевыя хулы содержащее: яко нынѣшняя церковь нѣсть церковь, тайны божественныя не тайны, крещеніе не крещеніе, архіереи не архіереи, писанія лестна, ученіе неправедное и вся скверна и не благочестна. Имже душеубійственнымъ злоплодіемъ мвози скудноумніи повреждошася, аки вѣѣ ума бывша, заблудиша отъ церкви въ новопрозѣбшая сонмища, крещеніе отложиша, грѣховъ своихъ іереомъ Божіимъ не исповѣдаша, тайнамъ животворящимъ не причащахуся, вкратце рекше, весма отъ церкви и отъ Бога отчудишася“. Нарисовавъ такую печальную картину тогдашняго состоянія русской церкви, царь обращается съ увѣщаніемъ къ архіереямъ, чтобы они позаботились и порадились очистить Божию ниву отъ злыхъ діавольскихъ плевель. „Молимъ убо вы и увѣщеваемъ, говорилъ царь, яко да со вся-

кимъ тщаніемъ прилежите о семъ дѣлѣ Божіи, во еже бы намъ о непопеченіи, вамъ же о нерадѣннѣи и небреженіи, въ страшный день отмщенія Судии нелицемѣрному слова не воздати“. О себѣ же царь заявляетъ: „се мы свидѣтельствуемъ безначально живущаго и безконечно царствующаго, яко готовы есмы вся наша и самыхъ насъ положить на побореніе по церкве Божіи; вы точію, о дѣлателие нивы Христовы, небреженіемъ отягчени не будите“. Затѣмъ царь говорилъ, что онъ, размышляя и прилежно заботясь объ утоленіи мятежа церковнаго, съ особою помощію Божіею нашель въ своей царской сокровищницѣ „драгій и безцѣнный бисеръ, преизрядное и преугодное орудіе на искорененіе расколовъ, богодуховенную книгу, Хризовулъ именованную“, которая представляла изъ себя не что иное, какъ дѣяніе цареградскаго собора 1593 года объ учрежденіи въ Россіи патріаршества, гдѣ, между прочимъ, сполна приведенъ символъ вѣры. Это дѣяніе цареградскаго собора уже давно хорошо было извѣстно и самому царю и нѣкоторымъ присутствовавшимъ сейчасъ на соборѣ лицамъ, такъ какъ оно, съ заключающимся въ немъ символомъ, читано было на соборѣ 1654 года Никономъ въ присутствіи государя, который, слѣдовательно, уже ранѣе слышалъ и хорошо зналъ Хризовулъ и вновь открывать его съ особою Божіею помощію, какъ что-то неизвѣстное, не имѣлъ нужды. Какъ на соборѣ 1654 года Никонъ, такъ на соборѣ 1666 года царь лично прочелъ Хризовулъ и затѣмъ обратился съ вопросомъ къ архіереямъ и боярамъ, тоже присутствовавшимъ на соборѣ: „такъ ли символъ святой и прочія догматы по написанному въ Хризовулѣ держать?“ На этотъ вопросъ, отъ имени собора, отвѣчалъ цѣлою рѣчью важнѣйшей и старѣйшей изъ іерарховъ новгородскій митрополитъ Питиримъ. Въ своей рѣчи, которая впрочемъ представляетъ изъ себя сочиненіе Полоцкаго, Питиримъ, прославляя ревность царя, заявляетъ, что всѣ они принимаютъ „богодуховенную книгу (Хризовулъ), яко истинную брань вѣры. Тако вѣримъ, тако держимъ, яко же въ ней святѣйшіи четыре восточніи патріарси, написавшіе руками си и печатями утвердивше, прислаша, и якоже твое пресвѣтлое царское величество благоволи намъ во всеуслышаніе всѣмъ прочести. Къ симъ вовѣки ничесоме имамы приложити, отяяти, или измѣнитти. Инако же держащія,

прилагающія отъемлющія, или измѣняющія за враги имамы церкви Божія, ихже властію, отъ Бога намъ данною, потщима въ покореніе любезно приводити; на не брегущія же о семь и жезла нашего духовныя силы не усумнимся употребити, способіемъ прекрѣпкія твоя царскія десницы“. Послѣ такого отвѣта Питирима отъ лица собора, царь самъ сначала поцѣловаль символъ, находящійся въ Хризовулѣ, „и вручи и просвѣщенному собору, его, вси почину цѣловавшіе архіереи, предаша и благороднымъ боярамъ, окольничимъ и думнымъ людемъ, ко еже цѣловати“. Это цѣлованіе символа всѣми членами собора, не исключая присутствовавшихъ на соборѣ бояръ, окольничихъ и думныхъ людей, замѣняло, такъ сказать, поименную голосовку въ пользу признанія всѣми членами собора новоисправленнаго при Никонѣ символа, а вмѣстѣ и всѣхъ вообще книжныхъ исправленій. Послѣ этого царь закрылъ первое соборное засѣданіе, и на слѣдующія болѣе не являлся. Самыя соборныя засѣданія, открытыя въ его царской столовой палатѣ, начиная со втораго засѣданія, происходили уже въ патриаршей крестовой палатѣ въ присутствіи только однихъ духовныхъ лицъ.

На второмъ засѣданіи соборъ имѣлъ дѣло исключительно съ вятскимъ епископомъ Александромъ. Послѣдній, какъ мы знаемъ, будучи личнымъ врагомъ Никона, который, закрывъ коломенскую епархію, перевелъ изъ нея Александра въ далекую Вятку, подавалъ царю челобитную, въ которой онъ сильно нападалъ лично на Никона, изображая его, какъ патриарха, въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Но на этомъ Александръ не остановился, а перешелъ къ нападенію на книжныя исправленія Никона, почти во всемъ сходясь въ этомъ случаѣ съ защитниками старины, у которыхъ, поэтому, Александръ и пользовался особымъ уваженіемъ и расположеніемъ. Естественно, что соборъ, единодушно рѣшившійся признать правыми церковныя реформы Никона и осудить всѣхъ противящихся имъ, не могъ оставить безъ вниманія Александра, внесившаго разладъ въ единодушную епископскую среду и оказывавшаго, уже благодаря своему епископскому сану, сильную нравственную поддержку всѣмъ защитникамъ старины. Александръ былъ подвергнутъ соборнымъ увѣщаніямъ, ему показана была ошибочность и неправота его нападеній

на новоисправленныя книги, и онъ принужденъ былъ сознаться въ своихъ заблужденіяхъ и принести въ нихъ раскаяніе, признавъ, вмѣстѣ съ другими архіереями, полную правильность и законность всѣхъ новыхъ церковныхъ порядковъ. Это отреченіе отъ прежнихъ воззрѣній Александръ выразилъ письменно, причемъ, выполнѣ присоединяясь къ признанію, вмѣстѣ со всѣми другими архіереями, православія тогдашнихъ греческихъ патріарховъ, греческихъ печатныхъ книгъ и московскаго собора 1654 года, писалъ еще: „а еже, предъ симъ временемъ, яко человекъ метохся о вышесписанныхъ, паче же о прилагательномъ имени во святомъ символѣ, еже *истиннаго*, якоже возмѣлся немощи моеи, его же коварству самъ въ себѣ не свѣдѣхъ, мнѣхъ, яко правъ мысля, та вся моя сомнѣнія весьма повергаю, отреваю, и оплеваю; понеже о всѣхъ о нѣхъ нынѣ истинно увѣрихся добрымъ увѣреніемъ, паче же о прилагательномъ имени во святомъ символѣ отъ древнихъ рукописныхъ книгъ, и отъ греческихъ, яко святая соборная апостольская восточная церковь, мати наша, въ символѣ вѣры прилагательнаго имени никогда же имѣ и не имать. Сего ради отнынѣ и азъ безъ всякаго сомнѣнія тако держу и отъ сердца моего исповѣдую“.

Покаяніе епископа Александра на соборѣ имѣло большое нравственное значеніе и должно было вліять на успѣхъ усилій примирить поклонниковъ и защитниковъ старины съ новыми церковными порядками. На ихъ сторонѣ доселѣ былъ одинъ архіерей, но и тотъ теперь, по убѣжденію, отказался отъ нихъ, какъ отъ защитниковъ неправыхъ мнѣній и публично перешелъ на сторону ихъ противниковъ. Примѣръ епископа Александра, очевидно, долженъ былъ повліять и на другихъ сторонниковъ старины, побудить и ихъ къ примиренію съ церковію.

Послѣдующія засѣданія собора были посвящены тому, что на нихъ, по очереди, призывались главнѣйшіе и вліятельнѣйшіе представители и поборники церковной старины, ранѣе доставленные въ Москву, которымъ отцы собора производили увѣщанія и разъясненія ихъ недоумѣній, приводили доказательства и опроверженія ихъ мнѣній, всячески старались примирить ихъ съ церковію. Они привлечены были на соборный судъ не за то собственно, что держались старыхъ

до никоновскихъ церковныхъ книгъ, чиновъ и обрядовъ, но за то именно, какъ прямо говорятъ соборныя дѣянiя, что приверженцы старины всѣмъ и всюду публично проповѣдывали и писали: „яко нынѣшняя церковь вѣсть церковь, тайны божественныя не тайны, крещенiе не крещенiе, архiereи не архiereи, писанiя лестна, ученiе неправедное и вся скверна и неблагочестна“. Соборъ призывая главнѣйшихъ борцовъ за церковную старину, перечислялъ каждому его заблужденiя, за которыя онъ и подвергнуть соборному суду. Но при этомъ соборъ ни одному изъ нихъ ни разу не поставилъ въ вину того обстоятельства, что они держатся старыхъ книгъ, чиновъ и обрядовъ, какъ по существу неправыхъ, или еретическихъ и потому чуждыхъ православной церкви. Относительно, на примѣръ, протопопа Аввакума соборъ указываетъ слѣдующiя его вины, за которыя онъ преданъ соборному суду: „писа бо хулы на святаго символа исправленiе, на тріехъ первыхъ перстовъ въ креста воображенiи сложенiе, на исправленiе книжное и исправители, на согласiе пѣнiя церковнаго; оклевета же и священники московскiя, аки невѣрующiя во Христа вочеловѣчьшася, и не исповѣдающiя Его воскресенiя, еще же аки именующихъ не совершенна быти Царя со Отцемъ на небеси Христа Господа, и Духа Святаго не истиннаго исповѣдающихъ, и иныя многiя симъ подобныя иже и клеветы не убоятся Бога написать, къ нимже приложи, яко епилогъ, матересловіе, возбраняя православнымъ христіаномъ отъ священниковъ, новоисправленныхъ книгъ во священнодѣйствiи употребляющихъ, божественныхъ тайнъ комканiя сподоблятися. О сихъ всѣхъ отъ священнаго собора стязанъ бѣше и не покорися, клеветникъ и мятежникъ, иаче же злобу злобѣ прилагая, укори въ лице весь священный соборъ, вся неправославнымъ нарицая“. За подобныя же вины соборъ судилъ и всѣхъ другихъ защитниковъ старины, причемъ настоятельно требовалъ отъ нихъ только одного, чтобы они не хулили новоисправленныхъ книгъ и ихъ приверженцевъ, не произносили бы хулы на всю русскую церковь за то что она будто бы, ради признанiя новоисправленныхъ книгъ, потеряла православiе и сдѣлалась еретическою. При этомъ соборъ терпѣливо старался разъяснить каждому подсудимому законность и правильность Никоновской реформы и вмѣстѣ полную ошибоч-

ность и несостоятельность ихъ возраженій противъ нея. Относительно, напримѣръ, суздальскаго священника Никиты Добрынина соборныя дѣянiя говорятъ: „начаша ему архіереи отверзати умная очеса и являти его невѣжества, толковать же божественныхъ писаній трудности; онъ же, окаянный, уподобися аспиду, затыкающему ушеса своя на гласъ обѣвѣющаго, не хотѣ и слушати архіерейскихъ увѣщаній, но гордостію дiавольскою напыщенъ бывъ, глагола единаго себѣ искуснѣйша быти божественныхъ писаній, ниже вси архіереи. Обаче они, яко добріи врачеве, презирающе и забывающе вся укоризны и руганія его нестерпимая, не престаша его молити же и увѣщати ко обращенію“. Или, напримѣръ, относительно дьякона Ѳедора соборныя дѣянiя говорятъ: „начаша его архіереи увѣщати со любовію, да прилетѣ въ чувство, и показаша ему, яко вся по преданію святыхъ отецъ благочестно исправишась, благодатію пресвятаго и животворящаго Духа; онъ же, отъ князя тьмы помраченъ снѣи во умѣ своемъ, ничесому же внимающе, но во своемъ упорствѣ укрѣпляешся“. Но даже и къ такимъ непокорнымъ лицамъ соборъ оказывалъ возможное снисхожденіе. Такъ, въ соборныхъ дѣянiяхъ относительно Аввакума замѣчено, что за свое упорство и нераскаянность онъ подвергся конечному соборному сужденію; однако же и послѣ того „паки увѣщенъ бѣ ко обращенію; но тщетенъ трудъ и жданія бяше“, и уже только послѣ этого послѣдняго увѣщанія онъ сосланъ былъ въ Пустозерскій острогъ. О Лазарѣ въ соборныхъ дѣянiяхъ говорится: „многими поученьми добріе пастыріе на путь истинный наставляху и вредъ его душевный врачеваху, давши ему многихъ мѣсяцевъ поприще ко исправленію, терпяще его даже до пришествія святѣйшихъ патріархъ: Пансіа александрійскаго и Макарія антиохійскаго. Но ни мало успѣша. ¹⁾“

Вполнѣ естественно было, что указанный въ высшей степени тактичный и примирительный образъ дѣйствій русскихъ іерарховъ на соборѣ 1666 года, какого они держались относительно приверженцевъ старины, согласно желанію и приказу государя, сопровождался самыми благими послѣд-

¹⁾ Дѣянiя собора 1666 года напечатаны въ полномъ видѣ въ Матеріалахъ для исторіи раскола т. II

ствіями. Почти всѣ привлеченные къ соборному суду защитники церковной старины, благодаря кроткимъ, разумнымъ и примирительнымъ увѣщаніямъ архипастырей, остерегавшихся раздражать и озлоблять увѣщеваемыхъ порицательнымъ отношеніемъ къ родной старинѣ, сознались въ ошибочности вводимыхъ ими ранѣ обвиненій на новоисправленные книги, покаялись въ своихъ заблужденіяхъ и соединились съ церковію. Только очень немногіе, именно: Аввакумъ, Лазарь, дьяконъ Ѳеодоръ и подъякъ Ѳеодоръ— всего четыре человекъ, не смотря на увѣщанія собора, остались непреклонными въ своихъ заблужденіяхъ, не захотѣли отказаться отъ обвиненій церкви въ еретичествѣ и потому подвергнувшись конечному соборному осужденію (лишенію сана и анаемѣ) за свое упорство. Но это, очевидно, были только единицы, которые къ тому же уже не имѣли подъ собою прежней твердой почвы и потому не могли быть особенно опасными въ будущемъ для мира церкви. Даже возможно думать, что и эти лица, если бы къ нимъ и къ защищаемой ими старинѣ и потомъ относились строго въ духѣ собора 1666 года, съ теченіемъ времени одумались бы и тоже соединились съ церковію.

Такъ думать даетъ право то обстоятельство, что и на указанныхъ нами не многихъ самыхъ упорныхъ и ожесточенныхъ защитниковъ старины находили однако минуты сомнѣнія, колебаній, неувѣренности въ правотѣ защищаемого ими дѣла. Протопопъ Аввакумъ рассказываетъ о своемъ настроеніи послѣ лишенія его соборомъ сана и преданія анаемѣ слѣдующее: „егда мнѣ темныя власти волосы и бороду остригли и проклявши за твоимъ (т. е. царскимъ) карауломъ на Угрѣшѣ въ темницѣ держали, о, горе мнѣ, не хочется говорить, да нужда влечеть!—тогда нападе на мя печаль, и зѣло отяготихся отъ кручины и размышляхъ въ себѣ: что се бысть, яко древле и еретиковъ такъ не ругали, яко же меня нынѣ,—бороду и волосы отстригли и прокляли и въ темницѣ затворили: никоніане пуще отца своего Никона надомною бѣднымъ сотворили. И о томъ стужахъ Божеству, да явитъ ми, *не туне-ли мое бѣдное страданіе?* „Дьяконъ Ѳеодоръ про себя рассказываетъ, что когда онъ сидѣлъ въ заточеніи въ Угрѣшскомъ монастырѣ, „по трѣхъ недѣляхъ помысли окаянный молити всещедрого

Бога, дабы извѣстилъ сердцу моему Христось: *ище неправо что старое наше благочестіе и новое что добро*“. Онъ же рассказываетъ про себя: „егда прииде намъ вѣсть, яко Соловецкій монастырь взять бысть и разорень: и азъ грѣшный вельми оскорбихся о томъ, и правило отвергъ того дни, и начать сѣдя стужати Христу—свѣту, и отъ горести съ досадою глаголати, яко вскую попусти послѣднюю обитель разорити и осквернити,—бія рукама своимъ въ перси и о постелю свою отъ зѣльныхъ жалости; презрѣлъ мя еси Господи—глаголаше,—и не хочу уже впредь просити у Тебя ни очемъ, ни псалмовъ пѣти, токмо едино: создавый мя, помилуй мя, глаголати, буди воля Твоя!... По семъ азъ о клятвахъ сумнѣвахся и сѣтовахъ нѣкогда. Въ постъ Филиповъ отпѣвъ заутреню рано, и повалихся на скамейку, и начахъ размышляти въ себѣ, глаголя: что се, Господи, будетъ? тамо, на Москвѣ, клятвы вси власти налагають за старую вѣру и на прочихъ вѣрныхъ, и здѣ у насъ между собою стали клятвы и мои друзи мене проклинають за несогласіе съ ними въ вѣрѣ же, во многихъ догматѣхъ, болши и никоніанскихъ!... Да еще ми бысть, продолжаетъ рассказывать Ѳеодоръ, печаль велія послѣ казни нашей здѣ, яко дни три лишитимися и правила обычнаго всего: зане стужихъ си продолженія ради мучительскаго томительнаго, бысть въ смущеніи велицѣ, и по премногу отяготихся скорбію отъ зельнаго томленія, яко разорень есть и обруганъ отъ отступникъ, и разлученъ со всѣми своими, и въ далекую страну заточенъ, и обрѣзанъ двократы языка, и обсѣченъ рукою, и живъ въ земли загребень, яко во гробѣ, и заключенъ и злою стражею ограженъ, и голодомъ и наготою и всякою гѣснотою утомляемъ есмь, и дымомъ повсядневнымъ и горкимъ чадомъ умерщвляемъ всегда. И стѣняхъ зѣло къ Богу о семъ, глаголя: Господи сердцевѣдче всѣхъ праведный судія! Что будетъ по семъ Твоя святая воля о насъ бѣдныхъ? И проклинахъ день рожденія своего, яко же Іовъ, отъ зельныхъ печали тоя“.

На возможность, при благопріятныхъ условіяхъ, примиренія съ реформою Никона и самыхъ упорныхъ ея противниковъ указываетъ слѣдующій случай, бывший съ Аввакумомъ. Въ Тобольскѣ, рассказываетъ про себя Аввакумъ, онъ сталъ было ходить изъ простаго любопытства въ православную

церковь и сначала только ругался надъ новымъ богослуженіемъ, „а какъ привыкъ ходить, такъ и ругаться не сталъ, что жаломъ—духомъ антихристовымъ и ужалило было“. Кромѣ того въ средѣ отдѣлившихся въ церкви изъ обряда и книжныхъ исправленій, еще очень рано появились уже распри, несогласія, нетерпимость, взаимныя обличенія въ неправославіи. Сами главари старообрядчества въ своихъ сочиненіяхъ рисуютъ такую картину положенія дѣлъ среди ихъ приверженцевъ: протопопъ Аввакумъ пишетъ: „меня никоніяны еретикомъ зовутъ, дѣти духовныя еретикомъ же зовутъ“. Онъ же говоритъ о своихъ послѣдователяхъ: „затекаете во многомъ мудрованіи своемъ и уже другъ друга гнушаетесь, и хлѣба не ядите другъ съ другомъ. Глупцы! отъ гордости што черви капустныя, всѣ пропадете... Да не дивися ты тому, что нѣсть согласія между вѣрными... У насъ повсюду ропотъ, да счетъ, да самомнѣніе съ гордостію, да укоризны другъ друга, да напыщеніе на искреннихъ, да всякъ учитель, а послушниковъ и нѣтъ“. Дьяконъ Ѳеодоръ поучаетъ своихъ послѣдователей: „отъ всякія злыя вещи огребайтесь, и пустыхъ распрей и свировъ бѣгайте. Сими злыми діаволь въ насъ любовь разоряетъ, еже есть начало и конецъ всякому благу: исполненіе бо закона любви есть ¹⁾).

Наряду съ распрями и несогласіями, проявившимися такъ рано между противниками церковной реформы Никова, скоро обнаружилось между ними и нѣчто болѣе важное, именно: мудрованія неправославныя и прямо еретическія. Дьяконъ Ѳеодоръ говоритъ: „есть бо нынѣ мнози отцы и братія наша и матери и сестры страждутъ и умираютъ съ нами за старыя книги и догматы церковныя, добръ зѣло, по истинѣ; нѣщцы же отъ нихъ къ той истинѣ по неразумію много приплетаютъ ложное мудрованіе о святыхъ тайнахъ тѣла и крови Христовѣ: вѣруютъ бо и мнятъ неподобно, еже освящаются и прилагатися хлѣбу и вину въ тѣло и кровь Христову на проскомидіи, преже еще и начала литургіи, и съ никоніяны всуе прятяся о томъ, и страданіе праведное тою неправдою безчестятъ, и вину укоризненную врагамъ своимъ сами даютъ на ся праведну... Есть бо нѣщцы невѣжи отъ нашего священнаго чина и отъ престолюдинъ, кои

1) Матер. V, 61, 153, 158, 217, 245. VIII, 84. VI, 93, 95, 132 -133 268. I. 619.

мнѣть и просто вѣрують, прежде начала обѣдни совершенно тѣло Христово и кровь, и къ тому приводятъ отъ Херувимскія пѣсни: „яко царя всѣхъ подъемлюще“. Къ числу такихъ „невѣждъ отъ нашего духовнаго чина“, имѣвшихъ „ложное мудрованіе“ о времени пресуществленія святыхъ даровъ принадлежалъ прежде всего извѣстный суздальскій священникъ Никита Добрынинъ, обыкновенно называемый Пустосвятъ. Въ челобитной государю Никита не разъ настойчиво заявляетъ, стараясь привести въ доказательство разныя свидѣтельства, что еще на проскомидіи „силою и дѣйствіемъ пресвятаго и животворящаго Духа хлѣбъ въ самое истинное тѣло Христово, иже насъ ради на крестѣ прободенное, претворяется, и вино и вода въ самую истинную боготочную кровь и воду, истекшу изъ пречистыхъ прободенныхъ ребръ его, умнѣ же и невидимо, паче всякаго естественнаго смысла, яко же той самъ воплотившійся и пострадавшій плотію Христосъ Богъ вѣсть“ ¹⁾.

Такихъ же „неподобныхъ“ вѣрованій на время пресуществленія святыхъ даровъ держались и такіе столпы старообрядства, какъ Аввакумъ и Лазарь. Но къ этимъ неподобнымъ вѣрованіямъ у нихъ присоединялись еще ложныя мудрованія о св. Троицѣ и по другимъ вопросамъ христіанскаго вѣроученія. Въ этомъ отношеніи особенно любопытны и характерны пренія, происходившія между дьякономъ Ѳеодоромъ, Аввакумомъ и Лазаремъ. Протопопъ Аввакумъ говоритъ объ этомъ: „увы мнѣ грѣшному! Ей, слезамъ достойно есть! у меня здѣсь діаволь отъ десныхъ ссору положилъ,— въ догматахъ считалися да и разбилися. Молодой щенокъ, Ѳеодоръ дьяконъ, сынъ духовный мнѣ, учаль блудить надъ старыми книгами и о святой Троицѣ предкнулся и о Христовѣ во адъ сошествіи и о иныхъ, догматствуя по никоніанки, нелѣпотно. Въ книгѣ моей написано и послано къ вамъ о Господѣ. Азъ же, не утерпѣвъ безумію его, и слышати не могъ хулы на Господа Бога моего, отрѣзалъ его отъ себя и положилъ подъ клятвою, не ради внѣшнихъ досадъ,—никакоже!—Но ради безстудства его на Бога и хулы на старыхъ книгъ. Буди онъ проклятъ онъ—врагъ Божій!“ Дьяконъ Ѳеодоръ, съ своей стороны, подробно расска-

¹⁾ Матер. VI, 127—128, 130. IV, 13, 52, 57.

зываетъ въ чемъ именно состояли его пренія съ Аввакумомъ и Лазаремъ. „А распри со мною у нихъ, говоритъ онъ, много было зѣло, и брани и клятвы другъ съ другомъ о многихъ догматѣхъ великихъ сихъ. Они убо, протопопъ Аввакумъ и попъ Лазарь, начали Троицу на трехъ престолѣхъ исповѣдовати, и трибожну, и трисущну глаголють; и въ трехъ лицахъ по три состава глаголетъ Лазарь: а Христа четверта Бога глаголють быти и на четвертомъ престолѣ сѣдяща, и самага существа божественнаго не исповѣдываютъ, но силу и благодать отъ сыновни ипостаси, изліявшуюся въ двѣицу, глаголють, а самое де существо сыновне и Духа святаго на землю никогда не сходитъ, но сила и благодать посылается. Духъ святыи не самъ же сходилъ въ пятидесятницу глаголють. Мѣстомъ убо описуютъ они божество Св. Троицы, поіудейски, плотскимъ разумомъ. А во адѣ схождение Христово съ плотію по востаніи отъ гроба исповѣдуетъ Аввакумъ, и востаніе Христово отъ гроба не называетъ воскресеніемъ, но востаніемъ токмо, а воскресде, какъ изъ ада вышелъ. А Лазарь глаголетъ едину душу бывшу во адѣ съ силою Божества и безъ плоти, до востанія отъ гроба, и востаніе Христово отъ гроба называетъ воскресеніемъ,—Лазарь и Аввакуму противится въ томъ. И о предложеніи святыхъ даровъ оба они мудрствуютъ—сначала проскомидіи совершенно тѣло Христово и кровь. И основаніе церкви на Петрѣ апостолѣ глаголють, а не на Христѣ самомъ. Азъ же діаконъ Феодоръ всего ихъ мудрованія не приѣмлю, но отметаю и обличаю, и пренія творю съ ними за ты вся, вышереченная здѣ... А протопопъ Аввакумъ востанія Христова изъ гроба не называетъ воскресеніемъ, но востаніемъ токмо, а воскресъ, глаголетъ, какъ изъ ада вышелъ, а до востанія душа его въ рукахъ Отчихъ бысть на небеси: тамо, глаголетъ, ходила къ Богу Отцу, и кровь Христову гостинца носила и на жидовъ била челомъ, еже они Христа убили напрасно... А онъ, Лазарь попъ, часто пряся со мною, вопить, глаголя: Троица рядкомъ сѣдитъ,—Сынъ одесную, а Духъ святыи ошую Отца на небеси на разныхъ престолахъ,—яко царь съ дѣтьми сѣдитъ Богъ Отець,—а Христось на четвертомъ престолѣ особномъ сидитъ предъ Отцемъ небеснымъ! И Аввакумъ отъ него пріялъ той злыи толкъ, еже четвертити Троицу трисвятую... Явно уже и гла-

голютъ такъ,—увы!—аще бы самое существо-де сошло въ Дѣвицу—ту, Христову мать, такъ бы и сожгло ея чрево-то... У ангеловъ онъ, Назарь, глаголаше власы быти, и торочки на главахъ, и зеркала въ рукахъ и крыла у нихъ... И послѣ казни нашея вскорѣ начая у насъ размова о сошествіи Христовѣ во адъ, о немже писано выше сего, и сошествіи святаго Духа на апостолы во огненныхъ языцѣхъ. Тѣ убо языки на главахъ апостольскихъ не Духа святаго съдѣніе глаголалъ онъ, Аввакумъ, но благодать пришедшую изъ апостоловъ сквозь темя: не вмѣстилась-де въ нихъ вся, да и на главы вышла!.. А въ колесахъ живыхъ, еже видѣ пророкъ Езекииль предъ престоломъ Господнимъ, въ тѣхъ онъ самую ипостась святаго Духа глаголетъ живушу... А союзникъ мой, отецъ Аввакумъ, клятву налагаетъ на мя за сія, еже азъ во едино Божество вѣрую и три лица святаго Троицы во единомъ Божествѣ исповѣдую, и царю уже и царевнамъ писалъ на мя: діаконъ-де во единобожество впалъ, прельстился!*" 1) Очевидно, нѣкоторые даже главнѣйшіе столпы старообрядчества, въ своемъ религіозномъ міросозерцаніи еще не вышли изъ стадіи грубыхъ антропоморфическихъ представлений о Божествѣ, отъ которыхъ они никакъ не могли отрѣшиться и въ своихъ умствованияхъ о христіанскомъ догматѣ Св. Троицы.

Указанныя колебанія, распри, нестроенія, взаимныя обличенія, поражающія крайнею грубостію невѣжественныя богословскія мудрованія, которыя такъ рѣзко проявились уже на первыхъ порахъ возникновенія старообрядчества, ясно указывали на внутреннюю его непрочность и несостоятельность, на полную возможность успѣшной борьбы съ нимъ, если бы только и въ послѣдующее время она велась въ духѣ и направленіи дѣятельности русскаго собора 1666 года.

1) Матер. V, 175—176. VI, 96—132. Даже повѣйшій латинскій догматъ о непорочномъ зачатіи Богородицы, вполнѣ опредѣленно былъ высказанъ однимъ изъ главарей старообрядства. Въ челобитной государя Никита пишетъ: „а пренепорочная Владычица наша пресвятая Богородица и Присводѣна Марія прародительныя скверны не имѣла: еще бо ей во чревѣ суще матерни освященіи и Богу въ жилие проуготованна“. Всячески усиливаясь доказать истинность этого положенія, Никита заключаетъ: „и по симъ, великій государь, свидѣльствамъ и младенцамъ разумно есть, что Пренепорочная Дѣва прародительныя скверны не имѣла“ (Матер. IV, 40—49).

Окончательно утвердивъ реформу Никона, осудивъ ея противниковъ не за приверженность къ святой русской старинѣ, а только за хулы на новоисправленные книги, чины и обряды и за хулы на всю вообще церковь, и тѣмъ положивъ прочное начало къ прекращенію возникавшаго было церковнаго раскола, соборъ 1666 года, обратилъ, въ заключеніе, свое вниманіе на необходимость водворенія болѣе строгаго церковнаго благочинія, на усиленіе надзора за жизнью и пастырскою дѣятельностію духовенства, поскольку она осужила поводомъ къ соблазну и нареканію на существующіе церковные порядки. Сдѣлать это было тѣмъ болѣе необходимо, что первые представители старообрядчества, какъ мы знаемъ, принадлежали къ кружку ревнителей благочестія, который образовался въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича и задался мыслию уничтожить различные пороки и недостатки въ жизни народа, самого духовенства, какъ бѣлаго такъ и чернаго, различные безпорядки, сильно укоренившіеся тогда въ отправленіи различныхъ церковныхъ службъ и т. под. Именно реформы въ этой сферѣ кружекъ ждалъ и требовалъ отъ Никона патриарха, какъ своего бывшаго сочлена и сторонника. Но Никонъ, какъ извѣстно, сдѣлавшись патриархомъ, сосредоточилъ всю свою дѣятельность исключительно на исправленіи церковныхъ книгъ и обрядовъ, оставивъ неисправленной ту сторону жизни, на исправленіи которой особенно усиленно и энергично настаивали ревнители, убѣжденные, что въ исправленіи нуждается самая жизнь, а не книги. Въ этомъ смыслѣ ревнители не переставали дѣлать заявленія и въ послѣдующее время. Попъ Ирадїонъ (дѣло о которомъ разбиралось въ 1660 году) писалъ: „священство въ мїрѣ яко душа въ тѣлѣ. Вѣдомо убо буди: епископъ убо вмѣсто всѣхъ Бога, священникъ же— Христа, прочїи же святыхъ ангеловъ; азъ же мню: вѣсть уже ни единаго епископа, чтобы жилъ по епископски, ни священника, чтобы жилъ по священнически, ни инока, чтобы жплъ по иночески, ни христіанина, чтобы жилъ по христіански, вси свой чинъ презрѣша: игумени оставиша свои монастыри и возлюбиша съ мїрскими женами и дѣвницами содружатися, а попове, оставльше учительство, и возлюбиша обѣдни части служить и кадило отъ грабленія и отъ блуда на жертву Богу приносить, и мерзостное и калное

свое житіе всѣмъ являти, и благочестіемъ лицемѣрствующеся, мняще частыми обѣднями Бога умиловити, недостойни и пїани, помрачени различными злобами, а слова Божія и слышать не хотяще“. Дьяконъ Ѳеодоръ, указывая на существующія злоупотребленія при поставленіи въ священно и церковно служительскія должности, замѣчаетъ: „сіе бо имъ подобаше исправляти, а не догматы отеческія превращати“. Инокъ Авраамій тоже замѣчаетъ: „подобаетъ имъ, государь, самихъ себе исправить, еже по закону божественному свое житіе устроити, а не законъ божественный своими умыслами развращати“¹⁾.

Справедливость указанныхъ жалобъ и обличеній ревнителей была для всѣхъ очевидна. Всѣ истинно благочестивые люди дѣйствительно соблазнялись тогда разными церковными безпорядками и нестройеніями и искренно желали, чтобы архипастыри уничтожили ихъ. Въ виду этого соборъ русскихъ іерарховъ 1666 года рѣшился восполнить реформу Никона, сдѣлать то, что Никонъ не могъ, или не успѣлъ сдѣлать т. е. рѣшился по возможности уничтожить тѣ злоупотребленія и недостатки въ религиозно-церковной жизни, на которые жаловались ревнители еще при патріархѣ Іосифѣ и на которые потомъ съ удареніемъ указывали противники церковной реформы Никона, поясняя при этомъ, что современные архипастыри занимаются только никому ненужными и не для кого неполезными передѣлками святой старины, а о томъ, что дѣйствительно требуетъ исправленія и передѣлки, что служить постояннымъ соблазномъ для всѣхъ вѣрующихъ,—объ исправленіи этого они не заботятся.

Соборъ 1666 года обращается ко всѣмъ пастырямъ съ особымъ довольно обширнымъ воззваніемъ, въ которомъ онъ заповѣдуетъ пастырямъ церкви по новоисправленнымъ книгамъ „исправляти церковное все славословіе чинно и немятежно и единогласно, и гласовое пѣніе пѣти на рѣчь, часть же девятый велѣтъ пѣти купно съ вечернею, а не по литургіи, ниже прежде литургіи“. Заповѣдуетъ, чтобы священники наблюдали за опрятнымъ содержаніемъ всѣхъ церковныхъ предметовъ, за правильнымъ веденіемъ записей о рожденіи и крещеніи, умершихъ, о бракахъ, чтобы священники

¹⁾ Матер. I, 670 VI, 42, 68—69. VII, 290.

и дьяконы провожали умершихъ на кладбища, не погребали у церкви и не отпѣвали тѣхъ, которые не были на исповѣди безъ особенно уважительныхъ причинъ, чтобы они „страха ради человѣческаго, или сана величества стыдѣя, мзду нѣкую получивъ“, не допускали до приобщенія св. тайнъ лицъ недостойныхъ, и чтобы для напутствованія болящихъ, шли къ нимъ безъ всякаго замедленія, „дабы не единъ христіанинъ, малъ и великъ, не отошелъ свѣта сего безъ покаянія и елеосвященія и причащенія тѣла и крове Христовы“. Соборъ предписываетъ поповскимъ старостамъ и десятскимъ накрѣпко смотрѣть, „чтобы священноиноцы и священники, и прочіи иноцы и причетники не упивались и въ корчмы пити бы не ходили и отъ сквернословія и срамословія и кощунства всякаго удалялись“ и хранили бы священный чинъ священства „безззорнымъ своимъ жительствомъ“. Предписывается чтобы священники поучали мирскихъ людей „по вся воскресенія по литургіи, раздавъ антидоръ“, внушали бы своимъ прихожанамъ неопустительно посѣщать все церковныя службы, и приносить въ даръ церкви свѣчи, ладонъ и вино, а для нищихъ милостыню, „комождо по силѣ отъ праведнаго притяжанія, а не отъ грабленія и обиды и проклятаго мздоиманія неправеднаго“; чтобы молящіяся „стояли въ церквахъ тихо и немятежно, и пѣнію бы и чтенію внимали и Господу Богу о оставленіи грѣховъ своихъ молилися отъ всея души, со умиленіемъ, и воздыханіемъ, и со слезами, и въ молитвахъ своихъ поклоненія во время учиненное творили со знаменіемъ на себѣ честнаго креста“. Въ видахъ соблюденія чинности и тишины во время богослуженія соборъ „накрѣпко“ наказываетъ священникамъ наблюдать, „чтобы нищіе въ церкви, во время пѣнія, по церкви не бродили милостыни просити, а стояли бы въ церкви нищіе тихо во время божественнаго пѣнія, или бы стояли на паперти“, гдѣ и должна имъ подаваться милостыня, непокорныхъ же нищихъ „велѣти смирати священникамъ за безчинство“. Въ этихъ же видахъ соборъ предписываетъ священникамъ: „такъ же бы велѣти имати и власы растящихъ, и ризы черныя носящихъ, и босыхъ ходящихъ, иже мнятся благоговѣнни быти, не суть же такови,— спхъ имати и приводити на патріаршей дворъ, а въ прочихъ енархіяхъ по градамъ приводити на митрополіи и

архіепископліи и епископліи дворы“. Относительно чернаго духовенства соборъ заповѣдуетъ архимандритамъ и игуменамъ, подѣ угрозой епитиміи, чтобы черные попы и дьяконы, безъ особаго разрѣшенія мѣстнаго архіерея, ни подѣ какимъ видомъ не переходили изъ монастыря въ монастырь, и чтобы никто и ни кого не смѣлъ постригать въ иноческій чинъ въ домахъ, а постригали бы только въ монастыряхъ, при свидѣтеляхъ, и не иначе бы, какъ послѣ долгаго искуса на монастырскихъ работахъ.

Въ своемъ воззваніи къ пастырямъ церкви соборъ 1666 года внушаетъ всѣмъ пастырямъ держаться новоисправленныхъ Никономъ книгъ, при этомъ однако вовсе не упоминаетъ о старыхъ книгахъ, какъ неправыхъ; вовсе умалчиваетъ и о старомъ обрядѣ, какъ испорченномъ, а только рекомендуетъ обрядъ новоисправленный, не показывая его отношенія къ старому. Такъ, соборъ предписываетъ знаменоватъ себя въ крестномъ знаменіи тремя перстами, но при этомъ вовсе не говоритъ, чтобы двоеперстная форма перстосложенія, которой въ то время держалось большинство, была неправославная, еретическая-армянская, какъ ранѣ торжественно увѣрялъ въ этомъ антиохійскій патріархъ Макарій, не говоритъ, чтобы двоеперстіе было недопустимо для православныхъ. Соборъ предписываетъ при крестномъ знаменіи говорить молитву: Господи І. Христе, Боже нашъ, помилуй насъ, а не такъ, какъ говорятъ нѣкоторые: Господи І. Христе, Сыне Божій, помилуй насъ, при чемъ замѣчаетъ: „отъ обычая нѣкихъ глаголется и сія молитва, и не обхуждаемъ ю симъ, зане предводительствуетъ сей молитвѣ предложенная отъ насъ здѣ молитва“. Священникамъ повелѣвается при благословеніи слагать персты имянословно, но рядомъ съ этимъ вовсе нѣтъ запрещенія употреблять при благословеніи и иное перстосложеніе. Только относительно аллилуіи отцы собора рѣшительно требуютъ, чтобы всѣми обязательно употреблялась трегубая аллилуія, а никакъ не сугубая, такъ какъ, говорятъ отцы собора, „еже въ житіи святаго Ефросима псковскаго писано глаголати дважды аллилуія, въ третье: слава тебѣ Боже, и о семъ не можете претися, зане тамо писано ведія и несканная хула на святую живоначальную Троицу, ея же и писанію предати не мощно“¹⁾.

¹⁾ Матер. II, 120—144.

Такимъ образомъ, принципъ: не хулить старыя книги, чины и обряды, не порицать и не укорять держащихся ихъ, былъ очевидно, строго проведенъ и въ соборномъ воззваніи русскихъ іерарховъ ко всѣмъ пастырямъ церкви, чѣмъ, конечно, отнимались поводы къ препирательствамъ и взаимнымъ неразумнымъ обличеніямъ въ неправославіи между держащимися стараго и новоисправленнаго обряда и создавалась прочная основа для ихъ примиренія, которое, при такомъ положеніи дѣлъ, составляло уже только вопросъ времени. Если же въ дѣйствительности этого не случилось, то на это были особыя причины, о которыхъ будемъ говорить ниже.

Въ дѣятельности собора 1666 года относительно старообрядчества было однако и нѣчто недоговоренное, что препятствовало окончательному и быстрому водворенію церковнаго мира и настоятельно требовало разъясненія. Соборъ 1666 года призналъ и узаконилъ существованіе въ русской церкви новоисправленнаго церковнаго чина и обряда. Но и старыи церковный чинъ и обрядъ тоже былъ торжественно узаконенъ такимъ же соборомъ русскихъ іерарховъ 1551 года и, къ тому же, былъ освященъ вѣковымъ употребленіемъ церкви. Значить и новый и старыи обрядъ одинаково опирались на постановленія соборовъ русскихъ іерарховъ и съ этой точки зрѣнія были, конечно, вполне равноправны. Но практически новый обрядъ уже признавался теперь церковію высшимъ и совершеннѣйшимъ нежели старыи, который осуждался на вымираніе. При спокойномъ теченіи дѣлъ этотъ процессъ вымиранія стараго обряда и постепенной его замѣны новымъ, совершился бы конечно самъ собою незамѣтно, въ теченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени. Но совсѣмъ другое дѣло, когда явился сильный и энергичный протестъ относительно замѣны стараго обряда новымъ, причѣмъ этотъ протестъ рѣшительно и твердо опирался на существующія и никѣмъ еще неотмѣненныя постановленія Стоглаваго собора 1551 года. При такомъ положеніи дѣлъ, очевидно, требовалось точное и ясное опредѣленіе того, какъ постановленія собора 1666 года относятся къ постановленіямъ собора 1551 года, такъ какъ одного умолчанія о соборѣ, ранѣе узаконившемъ старыи обрядъ, какъ единственно православный, при данныхъ обстоятельствахъ, было

недостаточно. Собору 1666 года необходимо было рѣшительно высказаться: равноправенъ или нѣтъ старый обрядъ съ новымъ, считать ли постановленія Стоглаваго собора отмѣненными или еще имѣющими свое значеніе? А между тѣмъ соборъ 1666 года, подобно патріарху Никону, совсѣмъ умалчивалъ объ этихъ насущныхъ вопросахъ, что конечно немало препятствовало успѣху умиротворенія враждовавшихъ изъ за церковнаго обряда. Былъ и другой очень важный пунктъ, оставшійся совершенно неуясненнымъ соборомъ 1666 года. Дѣло въ томъ, что приверженцы старины постоянно и настойчиво проповѣдывали всѣмъ и всюду, что если Никонъ и его послѣдователи измѣнили церковный обрядъ и чинъ, то значить они перемѣнили и самую вѣру, ибо, по ихъ убѣжденію, обрядъ такъ же всегда единъ и неизмѣненъ, какъ всегда едино и неизмѣнно самое ученіе вѣры, измѣненіе обряда есть необходимо измѣненіе самой вѣры, почему они считали всѣхъ державшихся новоисправленнаго обряда оставившими старую вѣру и замѣнившими ее новою. Дьяконъ Федоръ, на примѣръ, прямо говоритъ: „подобаеть вамъ по новымъ книгамъ сызнова и крещеніе пріяти отъ новыхъ своихъ святителей, а то уже старое крещеніе не во спасеніе будетъ вамъ, но во осужденіе вѣчное и на проклятіе“. Правда, новообрядцы старались завѣрить старообрядцевъ, что принявъ исправленные Никономъ церковныя чины и обряды, они этимъ вовсе не измѣняли своей вѣры, которая остается у нихъ все тою же, какою она была и ранѣе, что принятый ими новоисправленный обрядъ вовсе не вводитъ чего либо новаго въ ихъ прежнія вѣрованія, такъ что о замѣнѣ старой вѣры новою не можетъ быть, въ данномъ случаѣ, и рѣчи. Но старообрядцы никакъ не могли понять того, какимъ образомъ можно измѣнять обрядъ, а въ то же время не измѣнять самой вѣры, какимъ образомъ принявъ новый обрядъ, въ то же время можно остаться при прежней вѣрѣ. Вотъ именно этотъ-то пунктъ, совершенно непонятный тогдашнимъ старообрядцамъ и служившій для нихъ главнѣйшимъ камнемъ преткновенія въ дѣлѣ принятія новоисправленнаго обряда, и требовалось прежде всего объяснить и сдѣлать вполне понятнымъ. А между тѣмъ ни ранѣе, ни на соборѣ 1666 года, этотъ въ высшей степени важный пунктъ не былъ однако выясненъ, вслѣдствіе чего

у приверженцевъ старины и не было уничтожено недовѣрiе къ новоисправленному обряду, не было уничтожено ихъ подозрѣнiе, что принявшiе новый обрядъ не измѣнили, ради этого, своей старой вѣры, а это необходимо вело къ дальнѣйшимъ прискорбнымъ столкновенiямъ между сторонниками стараго и новаго обряда. Впрочемъ, указаннныя нами пункты, обойденныя соборомъ русскихъ iерарховъ 1666 года, были потомъ рѣшены на соборѣ 1667 года въ присутствiи восточныхъ патрiарховъ, но рѣшены были такъ своеобразно, что вызвали формальное появленiе въ русской церкви раскола старообрядчества, о чемъ подробно скажемъ ниже.

Н. Кантеевъ.
